САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ. ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК. ЧЕЛОВЕК, ИЗМЕНИВШИЙ МИР.

Власть даёт бессмертие не тем, кто живёт вечно, а тем, чья жизнь меняет историю.

Цена Бессмертия

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Что остаётся после человека, когда его жизнь заканчивается? Слава? Власть? Память? Или лишь вопросы... на которые нет ответов?

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ -
Историко-философский роман

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ - Историко-философский роман /
С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Цена бессмертия» — масштабное историко-философское произведение, посвящённое одной из самых противоречивых и значительных личностей мировой истории — Гаю Юлию Цезарю.Автор воссоздаёт эпоху заката Римской республики, показывая не только военные победы и политическое возвышение великого полководца, но и сложный внутренний мир человека, оказавшегося перед выбором между честолюбием, властью, долгом и исторической ответственностью.Особая ценность романа заключается в стремлении увидеть за исторической фигурой живого человека — способного любить, сомневаться, ошибаться, прощать и принимать судьбоносные решения. Драматические события, человеческие отношения и философские размышления органично соединяются, превращая повествование из исторической хроники в размышление о природе власти и непреходящих противоречиях человеческого существования.Центральная идея произведения выходит далеко за пределы биографии Цезаря. Что остаётся после человека, когда его жизнь заканчивается?

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ -
Историко-философский роман

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

Историко-философский роман

ПРОЛОГ

Тень вечности

Бывают люди, которым судьба отводит место среди современников, и бывают те, кому она готовит совсем иную участь. Первые проживают отпущенные им годы, оставляя после себя дом, детей, несколько добрых или недобрых воспоминаний. Вторые словно переступают невидимую границу собственной эпохи и продолжают жить тогда, когда давно исчезают города, рушатся государства, сменяются языки и народы. Их имена становятся частью человеческой памяти, но далеко не всегда это означает, что потомки действительно знают, какими они были.

Рим стоял на пороге величия, ещё не понимая, что одновременно приближается к собственной трагедии.

Над городом поднимался дым домашних очагов, на площадях торговцы спорили о цене зерна, у храмов совершались жертвоприношения, а в сенатских залах люди, называвшие себя хранителями республики, всё чаще думали не о судьбе государства, а о сохранении собственного влияния. Каменные улицы помнили шаги полководцев, возвращавшихся с победами, и шаги изгнанников, покидавших родину навсегда. Здесь умели поклоняться успеху, но ещё лучше умели ненавидеть тех, кто добивался его слишком быстро.

Рим любил сильных людей, пока они оставались достаточно слабыми, чтобы нуждаться в одобрении других.

Он восхищался победителями, пока те не начинали самостоятельно распоряжаться своей славой. Он прославлял свободу, но нередко превращал её в удобное прикрытие для борьбы за привилегии. За величественными речами о древних законах скрывались зависть, страх, жажда мести и бесконечное соперничество знатных семейств.

Республика переживала не первый кризис. Её история уже знала кровавые столкновения, диктаторов, мятежи и политические расправы. Однако теперь происходило нечто более глубокое. Менялся сам человек, стоявший перед государством. Старые правила ещё сохраняли внешнюю силу, но внутри них уже не хватало места для новых амбиций, новых представлений о власти и нового понимания величия.

В одном из римских домов, принадлежавшем к древнему патрицианскому роду Юлиев, однажды родился мальчик, которому предстояло оказаться в самом центре этой перемены.

В тот день никто не мог знать, что его имя будет произноситься спустя столетия после того, как исчезнут люди, принимавшие его появление на свет за обычное семейное событие. Никто не мог предвидеть, что решения этого человека изменят судьбы народов, что его победы станут предметом военного изучения, а его гибель превратится в одну из самых знаменитых трагедий мировой истории.

Но судьба редко объявляет о своих намерениях заранее.

Она не сопровождает рождение будущих властителей громом небес и не открывает перед ними дорогу, усыпанную лавровыми венками. Чаще всего она начинает свою работу незаметно: с семейного разговора, случайной встречи, услышанного слова, обиды, которую ребёнок запоминает на всю жизнь, или с первого столкновения человека с несправедливостью.

Величие не возникает в один день. Оно складывается из множества решений, каждое из которых кажется незначительным, пока не становится частью необратимой истории.

Но что именно делает человека великим?

Способность побеждать врагов? Умение управлять людьми? Дар видеть то, чего не замечают другие? Или готовность идти туда, куда остальные боятся даже посмотреть?

И существует ли граница, за которой стремление к величию перестаёт быть созидательной силой и превращается в опасную страсть, способную погубить не только самого человека, но и тех, кто поверил ему?

История знает немало властителей, мечтавших оставить после себя вечное государство. Одни строили города, другие создавали законы, третьи покоряли страны. Но время оказалось беспощаднее любого завоевателя. Оно разрушало дворцы, стирало границы, превращало триумфальные арки в руины и возвращало прах тем, кто некогда считал себя властелином мира.

И всё же некоторые имена переживали собственные империи.

Почему?

Возможно, потому, что бессмертие не принадлежит тому, кто дольше других удерживает власть. Оно принадлежит тому, чья жизнь становится вопросом для будущих поколений. Вопросом, на который невозможно ответить окончательно.

Впереди была жизнь человека, которому предстояло испытать вкус победы и горечь предательства, узнать цену дружбы и одиночества, прикоснуться к любви и столкнуться с ненавистью. Он увидит, как легко толпа превращает вчерашнего героя в сегодняшнего врага, как быстро политические союзники становятся заговорщиками и как опасно бывает поверить, что благодарность людей может оказаться прочнее их страха.

Он научится управлять легионами, вести переговоры, читать намерения противников и принимать решения, от которых будут зависеть тысячи жизней. Но останется ли у него время научиться понимать самого себя?

И когда однажды он приблизится к вершине, которую прежде мог только воображать, перед ним возникнет последний вопрос: что останется от человека, если ради величия он отдаст всё, что делало его человеком?

Рим ещё не знал ответа.

Да и сам герой пока не знал, какую цену ему предстоит заплатить.

Так начиналась история, в которой победа не всегда означала спасение, поражение не всегда становилось концом, а смерть одного человека оказалась способна изменить судьбу целого мира.

Потому что иногда бессмертие начинается там, где заканчивается человеческая жизнь. И далеко не всегда оно становится наградой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРОВЬ И ИСТОКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГОРОД, КОТОРОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛ МИР

Рим просыпался медленно, словно огромный зверь, привыкший к тому, что весь окружающий мир существует ради его воли. Сначала над крышами появлялся бледный свет, затем в узких переулках раздавались голоса торговцев, скрип телег и звон посуды. Из открывавшихся лавок тянуло запахами свежего хлеба, оливкового масла, рыбы и пряностей. На ступенях храмов собирались первые посетители, рабы несли корзины, ремесленники поднимали ставни мастерских, а патриции отправлялись по делам, которые редко имели отношение к повседневным заботам простого народа.

Город жил сразу несколькими жизнями. Внизу, среди рынков и тесных кварталов, кипела жизнь тех, кто ежедневно боролся за пропитание. Выше, за массивными дверями домов знатных семейств, решались вопросы наследства, браков, политических союзов и долгов. А над всем этим возвышался Капитолий, где камень, храмовые колонны и священные изображения напоминали каждому римлянину, что его государство не просто город среди других городов, а наследник особого предназначения.

Римляне любили рассказывать о своём происхождении. Они вспоминали Ромула и Рема, волчицу, вскормившую близнецов, и легендарную Трою, откуда, согласно преданию, происходил Эней — прародитель их народа. В этих рассказах история переплеталась с мифом настолько тесно, что отделить одно от другого было почти невозможно. Но для римлянина это не имело особого значения. Важнее было другое: он принадлежал к народу, который сумел подняться над соседями и заставить их считаться с собой.

Когда-то Рим был небольшим поселением среди латинских земель. Его жители знали нужду, отражали набеги соседей и боролись за каждый клочок плодородной земли. Но постепенно их упорство превратилось в силу, а сила — в привычку побеждать. Они научились не только воевать, но и включать покорённых в свою систему, предоставляя одним союз, другим гражданство, третьим ограниченные права. Римская власть могла быть жестокой, однако за этой жестокостью скрывалась способность создавать порядок, переживавший отдельные поколения правителей.

Теперь под властью республики находились обширные территории Италии, а римские легионы уже давно пересекали моря и границы, за которыми прежде начинался неизвестный мир.

Однако величие не избавляло город от противоречий.

На Форуме, среди базилик и торговых рядов, можно было услышать речи о свободе, равенстве граждан и верности древним обычаям. Но стоило прислушаться внимательнее, как за громкими словами обнаруживалась борьба за должности, деньги и влияние. Сенаторы говорили от имени республики, хотя каждый из них прекрасно понимал, что государственные интересы не всегда совпадают с интересами его собственного семейства.

Знатность открывала двери, но не гарантировала безопасности. Богатство позволяло приобретать сторонников, но не обеспечивало доверия. Даже древние роды, гордившиеся своими предками, могли за одно поколение утратить прежнее положение, если их представители оказывались недостаточно осторожными или решительными.

В Риме уважали происхождение, но ещё больше опасались тех, кто обладал способностью превращать происхождение в политическую силу.

Именно поэтому имя Юлиев имело особое значение.

Это был один из древних патрицианских родов, чьи представители связывали свою родословную с Энеем и, через него, с самой богиней Венерой. Подобная генеалогия могла показаться человеку со стороны красивой семейной легендой, однако в римской политической жизни подобные предания имели вполне практическую ценность. Они укрепляли престиж, напоминали о древности рода и позволяли его представителям претендовать на особое место среди сограждан.

Но древнее имя не означало, что его обладатели непременно богаты или могущественны.

Семейство Юлиев принадлежало к старой аристократии, однако его положение не было столь прочным, каким оно казалось при взгляде на родословную. Политические перемены последних десятилетий ослабили многих патрициев. Одни сумели приспособиться к новой расстановке сил, другие потеряли влияние, третьи вынуждены были довольствоваться памятью о прежнем величии.

Римская знать жила в мире, где прошлое служило оружием, но настоящее требовало постоянной борьбы.

В то утро на Форуме возле одной из колоннад остановились двое мужчин. Первый, пожилой сенатор с тяжёлым взглядом, наблюдал за происходящим, опираясь на посох. Второй, его молодой спутник, недавно начавший заниматься общественными делами, с любопытством смотрел на толпу.

— Скажи мне, — произнёс юноша, — почему римляне так гордятся своей свободой, если каждый день вынуждены бороться за право быть услышанными?

Старик не сразу ответил. Он посмотрел на торговцев, споривших о цене товара, на группу ветеранов, оживлённо обсуждавших военную службу, затем перевёл взгляд на здание сената.

— Потому что свобода, молодой человек, — сказал он наконец, — это не отсутствие господина. Это возможность самому участвовать в выборе того, кто будет отдавать приказы.

— Значит, свободен тот, кто может выбирать себе властителя?

— Не совсем. Свободен тот, кто понимает, что однажды выбранный властитель может оказаться хуже прежнего.

Юноша улыбнулся, но старик не разделил его улыбки.

— Ты смеёшься, потому что ещё не видел, как республика пожирает собственных детей. Здесь каждый мечтает изменить Рим, но почти никто не готов позволить другому сделать это раньше себя.

— А разве великий город не должен рождать великих людей?

— Должен. Но великие люди редко бывают удобными для окружающих.

Они двинулись дальше, оставив за спиной колоннаду и людской гул. Их разговор затерялся среди сотен других разговоров, однако произнесённые слова могли бы стать подходящим объяснением всей последующей римской истории.

Потому что Рим действительно умел создавать великих людей. Но он же испытывал их на прочность, заставлял вступать в борьбу, сталкивал между собой и нередко превращал вчерашнее восхищение в завтрашнюю ненависть.

За пределами Италии римская власть уже ощущалась как тяжёлая рука. В Испании, Африке, Греции и Малой Азии находились земли, где решения, принятые в столице, могли изменить жизнь тысяч людей. Провинции приносили Риму богатство, зерно, металлы, рабов и военную добычу. Но вместе с богатством приходили новые соблазны. Полководцы возвращались с войн не только с победными знамёнами, но и с состояниями, позволявшими им покупать политическое влияние.

Легионер мог провести годы вдали от семьи, сражаясь за интересы республики, а затем вернуться в Рим и обнаружить, что его земельный участок оказался в руках богатого землевладельца. Ветеран, проливавший кровь за государство, порой оказывался менее защищённым, чем ростовщик, сумевший вовремя приобрести расположение влиятельного сенатора.

Подобные противоречия постепенно накапливались.

Республика сохраняла свои учреждения, но её прежнее равновесие становилось всё более хрупким. Народные трибуны выступали против сенаторской олигархии, знатные семейства боролись за консульские должности, полководцы приобретали личную преданность солдат. Закон оставался основой государственного устройства, однако всё чаще его толковали в зависимости от того, кому он был выгоден.

Рим приближался к эпохе, когда личная воля отдельных людей начнёт перевешивать силу многовековых традиций.

И всё же в тот день город не казался обречённым. Он был полон энергии, самоуверенности и жизненной силы. Его жители строили новые здания, заключали сделки, спорили о политике, отправлялись в дальние путешествия и возвращались с рассказами о чужих странах. Они верили в своё будущее так же безоговорочно, как верили в собственное прошлое.

Никто из них не мог представить, насколько изменится привычный мир в ближайшие десятилетия.

В одном из домов патрицианского рода продолжалась обычная семейная жизнь. Там обсуждали хозяйственные дела, принимали родственников, говорили о предстоящих праздниках и общественных обязанностях. За пределами дома Рим шумел, спорил и строил планы, а внутри него маленький мальчик постепенно открывал для себя окружающий мир.

Ему ещё предстояло узнать, что древность рода не защищает от унижения, что закон не всегда оказывается справедливым, а громкие слова о свободе могут скрывать желание властвовать над другими.

Но пока он был лишь ребёнком, которому предстояло пройти долгий путь.

Рим ещё не принадлежал ему. Он даже не подозревал, что однажды этот город станет главным испытанием его жизни, а его собственное имя окажется связано с судьбой республики так тесно, что отделить одно от другого уже не сможет ни один историк.

Над городом поднималось солнце. На Капитолии начинались утренние обряды, на Форуме собиралась толпа, и тысячи людей продолжали свои повседневные дела, не замечая, что время уже готовит для них новую эпоху.

Рим по-прежнему считал себя хозяином мира. Но миру ещё предстояло узнать, какую цену он заплатит за это убеждение.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ДОМ, ГДЕ РОЖДАЛАСЬ СУДЬБА

В доме Юлиев утро начиналось раньше, чем над крышами соседних жилищ появлялось солнце. Здесь привыкли ценить порядок, и даже самые незначительные семейные дела подчинялись привычкам, которые передавались от старших к младшим. Слуги открывали ставни, приносили воду, готовили очаг, расставляли посуду. Из внутреннего дворика доносилось негромкое журчание фонтана, а в атриуме, где на стенах хранились изображения предков, уже зажигали первые светильники.

Для постороннего этот дом мог показаться скромнее многих жилищ римской знати. Здесь не было вызывающей роскоши, драгоценные украшения не выставлялись напоказ, а хозяева не стремились поражать гостей количеством прислуги. Но в каждом помещении чувствовалось нечто, что невозможно приобрести за деньги: сознание принадлежности к древнему роду.

В атриуме стояли восковые изображения умерших родственников. Их лица, застывшие в торжественном выражении, словно продолжали наблюдать за теми, кто жил под этой крышей. В особые дни их выносили во время семейных церемоний, напоминая молодым о заслугах предшественников. Римлянин мог потерять имущество, лишиться должности, оказаться вдали от родины, но память о предках оставалась частью его достоинства.

Именно здесь особенно ясно ощущалось, что человек рождается не только для себя. Он наследует имя, обязательства, надежды и незримые требования тех, кого уже нет рядом.

Аврелия хорошо понимала эту особенность римской жизни. Она принадлежала к знатному роду Аврелиев и обладала тем спокойным достоинством, которое не нуждается в демонстрации. Её не привлекали пустые разговоры о богатстве и блеске общественного положения. Она предпочитала наблюдать, слушать и делать выводы, не торопясь высказывать их вслух.

В характере этой женщины соединялись твёрдость и душевная мягкость. Она могла быть требовательной, но никогда не унижала человека ради собственной прихоти. Слуги знали, что хозяйка замечает не только ошибки, но и старание. Родственники понимали, что за её спокойной речью скрывается воля, которую нелегко изменить.

Её муж, Гай Юлий Цезарь, принадлежал к старому патрицианскому роду, но его политическое положение нельзя было назвать безоблачным. Он занимал общественные должности и стремился укрепить влияние семьи, однако не располагал теми средствами, которые позволяли бы ему без опасений смотреть на соперников. В Риме даже древнее имя нуждалось в поддержке, а поддержка нередко обходилась дороже, чем казалось вначале.

Гай был человеком сдержанным. Он не любил рассказывать о своих намерениях прежде, чем находил возможность осуществить их. Иногда Аврелии казалось, что он слишком много думает о политике и слишком мало — о том, насколько хрупким бывает человеческое благополучие.

Однажды вечером, когда последние посетители покинули дом, супруги остались вдвоём в атриуме.

— Ты сегодня опять говорил с сенаторами? — спросила Аврелия, поправляя складки одежды.

— Пришлось.

— И они опять обещали тебе поддержку?

Гай усмехнулся.

— В Риме обещания дают охотнее, чем исполняют.

— Тогда зачем ты продолжаешь их слушать?

— Потому что иногда среди десяти пустых обещаний встречается одно настоящее. А иногда человек, который сегодня отказывает тебе, завтра становится единственным, кто способен помочь.

Аврелия посмотрела на мужа.

— Ты говоришь так, словно жизнь состоит исключительно из расчётов.

— Для человека, занимающегося государственными делами, это почти так и есть.

— Но не для человека, у которого есть семья.

Гай некоторое время молчал. Потом приблизился к жене и взял её за руку.

— Именно поэтому я стараюсь не допустить, чтобы наши семейные дела зависели от чужой прихоти.

— А если однажды твои политические дела поставят семью под удар?

— Тогда мне придётся выбирать.

— Ты уже знаешь, что выберешь?

Он не ответил сразу.

— Надеюсь, мне никогда не придётся узнавать.

Аврелия отвела взгляд. Она знала своего мужа достаточно хорошо, чтобы понимать: он не станет обещать того, в чём не уверен. В этом заключалась и его сила, и его слабость.

Дом постепенно погружался в вечернюю тишину. За стенами слышались голоса прохожих, из соседнего жилища доносилась музыка, а где-то вдалеке лаяла собака. Обычная жизнь продолжалась, не подозревая, что однажды именно подобные тихие вечера будут казаться людям самыми драгоценными воспоминаниями.

Вскоре в семье появился ребёнок.

Его рождение не сопровождалось никакими необыкновенными знамениями. Не разверзались небеса, не происходило чудес, не являлись прорицатели с обещаниями всемирного господства. Родился мальчик, которому предстояло расти, учиться, ошибаться и постепенно открывать для себя сложный мир взрослых.

В семье его назвали Гаем Юлием Цезарем.

Для родителей он был прежде всего сыном. Они ещё не знали, что однажды его имя станет символом власти, а затем превратится в предмет споров, которые не утихнут даже спустя столетия.

Аврелия держала младенца на руках и долго смотрела на его лицо. Ей нравилось наблюдать за тем, как он просыпается, как поворачивает голову на знакомый голос, как сжимает крошечные пальцы, словно пытаясь удержать невидимую нить, связывающую его с окружающим миром.

— Он очень внимательный, — заметила однажды кормилица.

— Он ещё слишком мал, чтобы понимать происходящее, — ответила Аврелия.

— Но смотрит так, будто всё запоминает.

Мать улыбнулась.

— Пусть сначала научится доверять людям. А запоминать ему ещё успеется.

Она произнесла эти слова просто, не придавая им особого значения. Но впоследствии именно умение наблюдать за людьми, замечать их слабости и скрытые намерения станет одной из важнейших особенностей характера её сына.

Гай Юлий Цезарь рос в доме, где древние семейные предания соседствовали с повседневными заботами. Ему показывали изображения предков, рассказывали об их служении Риму, объясняли значение родового имени. Однако Аврелия не желала, чтобы мальчик с ранних лет привыкал считать себя выше остальных только потому, что родился в патрицианской семье.

— Запомни, — говорила она ему, когда он становился достаточно взрослым, чтобы понимать её слова, — имя может открыть перед тобой дверь, но войти в неё ты должен самостоятельно.

— А если меня не захотят впустить?

— Тогда подумай, почему. Иногда дверь закрыта не потому, что ты недостоин войти, а потому, что за ней боятся увидеть человека, которого нельзя будет заставить повиноваться.

Мальчик внимательно смотрел на мать.

— Значит, нужно быть сильным?

— Сильным быть необходимо. Но ещё важнее понимать, ради чего ты используешь свою силу.

Он не всегда соглашался с её наставлениями. Иногда ему казалось, что взрослые слишком часто говорят загадками, скрывая за красивыми словами простые вещи. Но он запоминал услышанное, а затем возвращался к этим словам уже в других обстоятельствах.

Гай Юлий Цезарь ещё не знал, что ему предстоит увидеть мир, значительно превосходящий границы родного города. Он не представлял себе бескрайних дорог Галлии, шумных восточных рынков, морских переходов, военных лагерей и площадей, заполненных людьми, которые будут приветствовать его имя. Пока его вселенная ограничивалась домом, улицами, знакомыми лицами и теми историями, которые рассказывали старшие.

Но именно в этом небольшом мире формировались первые представления о справедливости, достоинстве, долге и человеческой слабости.

Однажды, проходя через атриум, мальчик остановился перед восковыми изображениями предков.

— Мать, — спросил он, — почему они все смотрят так серьёзно?

Аврелия подошла к нему.

— Потому что это лица людей, которые давно умерли.

— А они были счастливы?

Женщина не сразу нашла ответ.

— Думаю, иногда были. Но у каждого из них были свои заботы, свои страхи и свои надежды.

— А теперь они ничего не могут сделать?

— Теперь за них говорят их поступки.

Мальчик долго разглядывал неподвижные лица.

— Значит, если человек совершит что-то великое, он никогда не исчезнет?

Аврелия положила руку ему на плечо.

— Из памяти людей можно исчезнуть даже после великих поступков. А можно остаться в ней после одного доброго дела. Не думай, что слава и память — одно и то же.

Он поднял на неё глаза, но ничего не ответил.

Возможно, в тот момент он ещё не мог понять глубины материнских слов. Возможно, они показались ему слишком простыми. Но вопрос о том, что остаётся от человека после его смерти, однажды станет для него гораздо важнее, чем все уроки военного искусства и политического красноречия.

Вечером Аврелия приказала зажечь светильники. Их мягкое пламя осветило стены атриума, и восковые лица предков словно ожили в дрожащих тенях.

Мальчик ещё некоторое время стоял перед ними, а затем последовал за матерью в соседнюю комнату.

За пределами дома продолжал шуметь Рим. Там уже сталкивались интересы влиятельных семейств, зрели политические конфликты и формировались силы, которым вскоре предстояло изменить судьбу республики. Но в доме Юлиев пока царили привычный порядок и спокойствие. И никто не мог предположить, что однажды этот ребёнок окажется перед выбором, от которого содрогнётся весь Рим. Пока же он просто рос. А судьба, не торопясь раскрывать свои намерения, терпеливо ждала своего часа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НАСЛЕДНИК ДРЕВНЕГО ИМЕНИ

В Риме имя человека редко оставалось только его личным достоянием. Оно сопровождало его с рождения, открывало одни двери и закрывало другие, вызывало уважение или неприязнь ещё до того, как обладатель успевал произнести первое слово. За именем стояла история рода, его политические союзы, победы, поражения и давние счёты, о которых потомки порой знали гораздо меньше, чем хотелось бы их старшим родственникам.

Для Гая Юлия Цезаря это обстоятельство постепенно становилось частью повседневной жизни.

Он рос среди людей, которые обращались к нему не просто как к мальчику из знатной семьи. В его присутствии нередко вспоминали Юлиев, рассказывали о древних предках, подчёркивали благородство происхождения и значение родственных связей. Сначала он слушал эти рассказы с обычным детским любопытством, но со временем начал замечать, что взрослые говорят о его фамилии с особенной интонацией. В одних голосах звучала гордость, в других — ожидание, а иногда и плохо скрываемое сожаление.

Однажды, возвращаясь с матерью из храма, он спросил:

— Почему люди всегда говорят о нашем роде, когда встречают меня?

— Потому что они знают, к какой семье ты принадлежишь, — ответила Аврелия.

— Но ведь они ещё не знают меня самого.

Мать посмотрела на сына с одобрением.

— Это верно. И не спеши огорчаться, если кто-нибудь составит о тебе мнение прежде знакомства. Люди часто судят по имени, одежде и положению. Им так проще.

— А как же следует судить?

— По поступкам. Но для этого нужно потратить время, а не каждый готов на такое.

Мальчик задумался.

— Значит, я должен доказать, что достоин своего имени?

— Ты должен стать достойным самого себя. Если сумеешь этого добиться, имя не будет для тебя тяжёлой ношей.

Аврелия не стремилась превращать сына в пленника семейных амбиций. Она понимала, что древнее происхождение может стать опорой, но способно превратиться и в опасную привычку смотреть на окружающих свысока. Ей хотелось, чтобы мальчик научился различать достоинство и спесь, уверенность и высокомерие.

Гай, напротив, относился к семейной традиции несколько иначе. Он считал, что принадлежность к древнему патрицианскому роду накладывает на человека определённые обязательства. Юлий должен был знать своих предков, уважать обычаи и понимать, что его будущее неразрывно связано с положением семьи.

Однажды он пригласил сына в атриум и остановился перед восковыми изображениями.

— Посмотри внимательно, — произнёс он. — Здесь лица людей, чьи имена носили наши предки. Они жили в разные времена, занимали общественные должности, служили Риму.

Некоторые добились известности, другие остались известны лишь своей семье. Но все они были частью нашего рода.

— А кто из них был самым великим? — спросил мальчик.

Гай задумался.

— Это зависит от того, что ты называешь величием.

— Тот, кто совершил больше других.

— Не всегда. Бывает, человек совершает много, но после него остаётся мало. А бывает, один поступок определяет судьбу целого поколения.

Он указал на одно из изображений.

— Наш род возводит своё происхождение к Энею. Согласно преданию, он пришёл в Италию после гибели Трои, а его потомки связали свою судьбу с основанием Рима. Мы чтим эту историю не потому, что можем доказать каждую её подробность. Она напоминает нам, что происхождение обязывает.

— Значит, мы потомки богини Венеры? — с детской непосредственностью спросил Гай.

Отец улыбнулся.

— Так говорит наше предание. Венера была матерью Энея. Но запомни: даже если боги благоволят человеку, они не станут выполнять за него его обязанности.

— А если человек не оправдает ожиданий предков?

— Тогда его будут помнить не за то, что он унаследовал, а за то, что растратил.

Эти слова прозвучали строже, чем намеревался Гай. Мальчик опустил глаза, но не от страха. Он пытался понять, почему взрослые так часто связывают человеческую жизнь с тем, что произошло задолго до его рождения.

В последующие годы он всё чаще сталкивался с подобными разговорами. Родственники обсуждали политическое положение семьи, старые браки, наследственные права и отношения с другими патрицианскими домами. Иногда за столом произносились имена людей, которых мальчик никогда не видел, но чьи решения продолжали влиять на жизнь живых.

Он рано понял, что родословная — это не только перечень предков. Это сложная сеть обязательств, воспоминаний и ожиданий, в которой каждый новый представитель рода должен найти собственное место.

Но ещё важнее было другое: в Риме древнее происхождение не избавляло от необходимости бороться.

Некоторые семейства, некогда обладавшие огромным влиянием, постепенно теряли своё положение. Их представители продолжали гордиться именами знаменитых предков, однако в сенате всё чаще уступали тем, кто располагал большими состояниями и более многочисленными сторонниками. Римская аристократия сохраняла внешнюю торжественность, но внутри неё происходили перемены, которые невозможно было остановить ссылками на старые заслуги.

Семья Юлиев тоже ощущала это противоречие.

Её происхождение было древним, однако богатство и политическое влияние не соответствовали громкому имени. Гаю Юлию приходилось считаться с обстоятельствами, которые ещё недавно показались бы унизительными для его предков. Он не мог позволить себе беспечно отвергать предложения влиятельных людей, даже если некоторые из них были ему неприятны.

Аврелия замечала, как муж возвращается домой после встреч с политическими союзниками. Иногда он был раздражён, иногда задумчив, а порой настолько уставшим, что предпочитал провести вечер в молчании.

— Ты слишком много думаешь о том, что скажут другие, — заметила она однажды.

— В Риме нельзя не думать об этом.

— Можно. Просто тогда придётся отвечать за собственные решения.

— Ты говоришь так, словно это легко.

— Нет. Я говорю так, потому что иначе человек постепенно перестаёт понимать, чего хочет сам.

Гай посмотрел на жену.

— Ты опасно недооцениваешь силу общественного мнения.

— А ты, возможно, слишком высоко её ценишь.

Он не стал спорить. В глубине души он понимал, что Аврелия затронула вопрос, на который у него самого не было окончательного ответа.

Между тем мальчик продолжал взрослеть. Он уже умел читать, задавал вопросы о событиях прошлого, интересовался устройством римского государства. Его внимание привлекали не только рассказы о победах полководцев, но и истории людей, которым приходилось принимать трудные решения. Он хотел знать, почему одни граждане пользовались всеобщим уважением, а другие, несмотря на богатство и знатность, вызывали неприязнь.

Особенно его занимали рассказы о людях, которые осмеливались противостоять более сильным.

Однажды в доме появился пожилой родственник, давно служивший в государственных учреждениях. За ужином он рассказал о политической борьбе, свидетелем которой был в молодости, о народных волнениях и противостоянии знатных семейств.

Гай слушал внимательно, почти не притрагиваясь к еде.

— А почему люди не могут договориться? — спросил он, когда гость закончил рассказ.

Старик усмехнулся.

— Потому что каждый хочет договориться так, чтобы уступил другой.

— Но если они погубят государство, то потеряют все.

— Ты рассуждаешь разумно, мальчик. Но взрослые люди далеко не всегда поступают разумно, особенно когда боятся потерять то, что считают своим.

— Значит, они боятся?

— Иногда сильнее, чем ненавидят.

Эти слова заинтересовали мальчика.

— А можно заставить их перестать бояться?

Старик внимательно посмотрел на него.

— Можно. Но прежде подумай, что придёт на место страха. Не всякий порядок лучше беспорядка, и не всякая сила приносит справедливость.

Аврелия, сидевшая неподалёку, подняла глаза от чаши. Она заметила, как сын задумался над ответом гостя, и впервые почувствовала, что его любознательность может однажды привести его гораздо дальше привычных семейных занятий.

Позднее, когда гость ушёл, Гай вернулся к разговору.

— Мать, почему люди, которые управляют государством, так часто боятся друг друга?

— Потому что власть редко бывает только обязанностью. Для многих она становится собственностью.

— Но ведь государство принадлежит всем гражданам.

— Так должно быть. Однако между тем, как должно быть, и тем, как происходит на самом деле, иногда лежит огромная пропасть.

— И кто должен её преодолеть?

Аврелия посмотрела на сына. В его глазах не было ни наивного восхищения властью, ни желания произвести впечатление. Он действительно хотел получить ответ.

— Тот, кто способен понять, что государство существует не ради него одного, — сказала она. — Но таких людей, сын мой, не так много, как хотелось бы.

Гай ничего не ответил.

За окном сгущались сумерки. В атриуме уже зажгли светильники, и лица предков вновь появились из полумрака, словно напоминая живым о том, что каждый человек однажды станет частью прошлого.

Мальчик задержал взгляд на изображениях, затем повернулся к матери.

— Я не хочу, чтобы обо мне говорили только потому, что я родился Юлием.

Аврелия улыбнулась.

— Тогда постарайся сделать так, чтобы однажды люди говорили о тебе самом.

Она не могла знать, насколько далеко заведёт сына это желание. Но в тот вечер впервые поняла, что семейное имя, которое взрослые воспринимали как наследство, для него постепенно превращалось в вопрос, на который он собирался ответить собственной жизнью.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ДЕТСТВО СРЕДИ ТЕНЕЙ

В детстве человек ещё не умеет отделять собственные желания от ожиданий окружающих. Он принимает мир таким, каким тот предстаёт перед ним, доверяет взрослым, прислушивается к их словам и постепенно усваивает правила, которые впоследствии может либо принять, либо отвергнуть. Но бывают дети, которые раньше других начинают замечать противоречия взрослой жизни. Их не обязательно отличает необыкновенная одарённость. Иногда достаточно одного качества — привычки не довольствоваться первым ответом.

Гай Юлий Цезарь всё чаще задавал вопросы, на которые взрослые не всегда находили удобные ответы.

Он рос в обстановке, где семейное достоинство ценилось высоко, но за пределами дома видел совсем другую жизнь. На улицах Рима рядом существовали богатство и нищета, почёт и унижение, свобода и рабство. Он встречал людей, которые распоряжались судьбами других, и тех, кто вынужден был молча исполнять чужую волю. Иногда мальчик пытался понять, почему одни люди рождаются с правом повелевать, а другие — с обязанностью повиноваться.

Особенно сильное впечатление на него производили рабы.

В доме Юлиев они выполняли множество обязанностей. Одни занимались хозяйством, другие прислуживали за столом, третьи сопровождали хозяев во время поездок. Среди них были люди, происходившие из разных стран, говорившие на незнакомых языках и обладавшие собственными воспоминаниями о жизни до того, как война или несчастье лишили их свободы.

Гай однажды заметил, что один из пожилых рабов, служивший в доме уже много лет, всегда старался избегать его взгляда. Это был человек с седыми волосами и глубокими морщинами на лице. Он двигался медленно, но работал аккуратно и никогда не вступал в споры с другими слугами.

Мальчик несколько раз пытался заговорить с ним, однако старик отвечал коротко и осторожно.

Однажды Гай застал его во внутреннем дворике. Старик сидел возле стены и чинил кожаный ремень.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик.

— Меня зовут Деметрий, господин.

— А откуда ты родом?

— Из Греции.

— Ты всегда жил здесь?

Старик на мгновение перестал работать.

— Нет, господин. Когда-то у меня был другой дом.

— А где он теперь?

— Далеко отсюда.

Гай сел рядом.

— Ты хотел бы вернуться?

Деметрий посмотрел на него, и в его глазах появилось выражение, которого мальчик прежде не замечал.

— Человек всегда хочет вернуться туда, где был свободен.

— Но почему ты не можешь?

Старик опустил голову.

— Потому что однажды другие люди решили, что моя жизнь принадлежит им.

Гай замолчал. Он впервые услышал о рабстве не как о привычном порядке, а как о личной трагедии человека, сидевшего перед ним.

— А ты виноват в том, что тебя сделали рабом?

Деметрий медленно покачал головой.

— Не всегда человек становится несчастным по собственной вине, господин.

Мальчик долго смотрел на него.

— Тогда почему никто не помогает тебе?

Старик слабо улыбнулся.

— Ты ещё мал, чтобы понимать, как устроен мир.

Эти слова не понравились Гаю. Он привык слышать их от взрослых, когда задавал слишком неудобные вопросы. Но теперь они прозвучали особенно горько.

— Я вырасту, — произнёс он.

— Конечно, господин.

— И тогда пойму.

Деметрий не стал возражать. Он лишь снова взялся за ремень, словно разговор закончился сам собой.

В тот вечер Гай долго не мог заснуть. Он вспоминал лицо старика, его слова и странную улыбку, появившуюся на мгновение, когда речь зашла о прежней свободе. Мальчик ещё не мог представить, насколько глубоко рабство укоренилось в устройстве римского мира. Он не знал, что военные победы республики будут ежегодно приносить на рынки тысячи новых пленников, что богатство многих знатных домов будет основываться на их труде и что даже самые прославленные полководцы редко станут ставить под сомнение саму систему.

Но в его сознании уже возникло первое противоречие: человек мог принадлежать к другому человеку, хотя при этом оставался человеком.

Аврелия заметила перемену в настроении сына.

— Ты сегодня молчалив, — сказала она, когда они остались вдвоём.

— Я разговаривал с Деметрием.

— И о чём же?

— О его прежнем доме.

Аврелия посмотрела на сына внимательнее.

— Он рассказал тебе о своей жизни?

— Немного. Он сказал, что когда-то был свободен.

— Многие люди в этом доме когда-то жили иначе.

— Но разве это справедливо?

Она не ответила сразу.

— Справедливость, сын мой, не всегда совпадает с тем, что принято считать обычным.

— Тогда зачем люди говорят о справедливости?

— Потому что без неё невозможно жить в согласии. Даже если не все готовы следовать тому, о чём говорят.

Гай задумался.

— А если однажды я смогу изменить что-нибудь?

Аврелия осторожно коснулась его волос.

— Сначала научись понимать, что именно хочешь изменить. Добрые намерения ещё не делают человека мудрым.

Эти слова он запомнил, хотя не сразу принял их смысл.

Детство постепенно открывало ему и другую сторону римской жизни — мир политических разговоров, где человеческие отношения нередко оказывались продолжением борьбы за влияние. В доме всё чаще появлялись посетители, обсуждавшие положение сената, деятельность народных трибунов и противостояние влиятельных политических группировок.

Среди гостей встречались люди, которые говорили громко и уверенно, будто любое несогласие с их мнением было свидетельством глупости. Другие предпочитали слушать, задавали вопросы и редко высказывались первыми. Гай постепенно научился замечать разницу между теми, кто стремился убедить собеседника, и теми, кто просто хотел продемонстрировать собственную значительность.

Особенно его занимал один родственник отца, человек немолодой, но сохранивший ясный ум и хорошую память. Он часто рассказывал о прошлом республики, о столкновениях между знатными семействами и о том, как политические решения влияли на судьбы обычных граждан.

— Рим силён не потому, что у него много воинов, — сказал он однажды. — Сила Рима в том, что он умеет заставлять людей верить в его превосходство.

— А если они перестанут верить? — спросил Гай.

— Тогда придётся напоминать им об этом силой.

— Значит, сила заменяет доверие?

Старик посмотрел на мальчика и усмехнулся.

— Ты задаёшь вопросы, которые не нравятся политикам.

— Почему?

— Потому что иногда они сами не знают ответа.

Разговор происходил в присутствии нескольких взрослых, и один из гостей рассмеялся.

— Оставьте мальчика, — сказал он. — Ему ещё рано рассуждать о государстве.

Гай почувствовал, как к лицу приливает кровь, но промолчал. Он не хотел показывать обиду.

Когда гости ушли, отец заметил его настроение.

— Не следует принимать каждое замечание близко к сердцу.

— Он смеялся надо мной.

— Он смеялся над твоим возрастом, а не над тобой.

— Разве это имеет значение?

Гай Юлий посмотрел на сына.

— Имеет. Но ещё важнее другое: если ты хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьёз, не требуй этого словами. Добивайся уважения поступками.

Мальчик кивнул.

Он постепенно понимал, что в мире взрослых существует множество невидимых границ. Одни определялись возрастом, другие — происхождением, третьи — богатством и общественным положением. Но были и такие, которые люди устанавливали сами, опасаясь чужой самостоятельности.

Однажды вечером, когда Гай возвращался домой вместе с сопровождавшим его слугой, на узкой улице возникла небольшая потасовка. Двое мужчин спорили из-за долга, и один из них, размахивая руками, обвинял другого в обмане. Вокруг собрались прохожие. Одни пытались разнять спорщиков, другие наблюдали с любопытством.

Гай остановился.

— Почему никто не вмешается? — спросил он.

— Не наше дело, господин, — ответил слуга.

— Но они могут покалечить друг друга.

— Если вмешаться, можно самому получить удар.

Мальчик посмотрел на него.

— Значит, лучше стоять и смотреть?

Слуга ничего не ответил.

Гай некоторое время наблюдал за происходящим, затем заметил, что один из спорщиков уже не способен подняться после удара. Он обратился к сопровождавшему:

— Позови кого-нибудь из стражи.

— Господин, нам лучше идти домой.

— Я сказал, позови.

В его голосе впервые прозвучала такая твёрдость, что слуга подчинился.

Когда всё закончилось, Гай долго размышлял о случившемся. Он не чувствовал себя героем и не считал, что совершил нечто необыкновенное. Но ему было неприятно осознавать, насколько легко человек может привыкнуть проходить мимо чужой беды, если она не угрожает лично ему.

Вечером он рассказал об этом Аврелии.

— Ты поступил правильно, — сказала она.

— Но ведь я ничего особенного не сделал.

— Иногда достаточно не пройти мимо.

— А если бы мне самому угрожала опасность?

— Тогда пришлось бы подумать, как помочь, не подвергая себя бессмысленному риску.

Гай улыбнулся.

— Значит, даже добро требует расчёта?

— Не расчёта, а разума. Храбрость без разума порой становится другой формой безрассудства.

Мальчик задумался. Он всё чаще замечал, что самые простые вопросы имеют непростые ответы. Мир не делился на людей совершенно добрых и совершенно злых. Даже справедливость могла оборачиваться жестокостью, если человек переставал видеть за собственными убеждениями чужую жизнь.

Время шло, и детские впечатления постепенно складывались в характер. Гай становился наблюдательнее, увереннее, требовательнее к себе и окружающим. Он ещё не обладал ни политическим опытом, ни военными знаниями, но уже понимал, что человек не должен позволять другим полностью определять его место в жизни.

Иногда, оставаясь один, он возвращался мыслями к Деметрию, к разговору о свободе и к лицам предков, застывшим в воске. Между ними существовала странная связь. Одни прожили жизнь, оставив потомкам знаменитые имена, другой потерял всё, кроме воспоминаний. Но и те и другие когда-то были людьми, надеявшимися, любившими и боявшимися.

И постепенно Гай начинал понимать, что наследство не всегда измеряется богатством или славой. Иногда оно заключается в вопросах, которые человек уносит с собой во взрослую жизнь и на которые ему ещё предстоит искать ответы.

ГЛАВА ПЯТАЯ
РЕСПУБЛИКА НА ИЗЛОМЕ

Рим умел скрывать свои болезни за великолепием общественных зданий, торжественностью государственных церемоний и уверенностью людей, привыкших считать себя хозяевами истории. На Форуме по-прежнему звучали речи о величии предков, сенаторы продолжали заседать в своих привычных залах, а консулы вступали в должности под приветственные возгласы сограждан. Казалось, республика сохраняет прежний порядок. Однако за этим внешним спокойствием уже давно накапливалось напряжение, которое не могли устранить ни законы, ни красноречие, ни победы римского оружия.

Гай Юлий Цезарь был ещё слишком молод, чтобы участвовать в большой политике, но достаточно наблюдателен, чтобы замечать перемены в настроении взрослых. В доме всё чаще обсуждали не только семейные дела, но и события, происходившие за пределами Рима. Одни посетители с тревогой говорили о противостоянии влиятельных политических группировок, другие с нескрываемым раздражением отзывались о народных трибунах, третьи уверяли, что государству необходима твёрдая рука.

Однажды в дом Юлиев пришёл старый знакомый отца, сенатор по имени Луций Корнелий. Он был человеком осторожным, сдержанным и не склонным к пустым рассуждениям. Его лицо, изборождённое морщинами, выражало постоянную усталость, словно он уже давно утратил веру в возможность спокойной жизни республики.

Гай находился неподалёку, занимаясь чтением, когда услышал, как гость произнёс:

— Мы слишком долго делаем вид, будто всё ещё живём в прежнем Риме.

— А разве это не так? — спросил Гай Юлий.

Сенатор повернул голову. Он не сразу заметил мальчика.

— Ты о чём, юный Цезарь?

— О том, что вы сказали. Почему Рим уже не прежний?

Гай, отец мальчика, хотел было вмешаться, но гость жестом остановил его.

— Пусть отвечает, — сказал он. — Любопытство не должно считаться проступком.

Затем он обратился к мальчику:

— Скажи, что ты знаешь о республике?

— Что граждане избирают должностных лиц, что сенат участвует в управлении государством и что законы должны быть одинаковыми для всех граждан.

— Хорошо. А теперь скажи, всегда ли бывает так, как написано в законах?

— Нет.

— Почему?

Гай немного помолчал.

— Потому что одни люди сильнее других?

Сенатор улыбнулся.

— Ты быстрее находишь ответы, чем многие мои коллеги. Но сила бывает разной. Есть сила денег, сила оружия, сила древнего имени и сила толпы. Все они стремятся влиять на государство. Проблема начинается тогда, когда одна из этих сил решает, что остальные ей больше не нужны.

— А сенат не может остановить их?

— Сенат сам состоит из людей, у каждого из которых имеются собственные интересы.

— Значит, он не всегда защищает республику?

Луций Корнелий посмотрел на отца мальчика.

— Твой сын задаёт вопросы, которые способны испортить человеку политическую карьеру.

Гай-старший улыбнулся, но Аврелия, наблюдавшая за разговором, заметила, что её муж не разделяет веселья гостя.

— Республика, — продолжил сенатор, — держится не только на учреждениях. Она держится на согласии граждан соблюдать правила даже тогда, когда эти правила им невыгодны. Но если каждый начинает считать себя вправе нарушать закон ради собственной победы, государство постепенно теряет опору.

— А почему люди так поступают? — спросил мальчик.

— Потому что власть кажется им важнее всего остального.

После ухода гостя Гай ещё долго думал о разговоре. Слова сенатора не давали ему покоя. Он привык считать Рим сильным государством, перед которым склоняются другие народы.

Теперь же выяснялось, что внутри самого города существуют противоречия, способные оказаться опаснее любого внешнего врага.

Однажды отец взял его с собой на Форум. Там в тот день выступал один из представителей народной партии, требовавший пересмотра земельных отношений и ограничения влияния наиболее богатых землевладельцев. Вокруг оратора собралась толпа. Люди слушали внимательно, некоторые одобрительно кричали, другие перебивали выступавшего.

Неподалёку стояли несколько сенаторов, наблюдавших за происходящим с явным раздражением.

— Посмотри, — негромко произнёс Гай-старший. — Здесь решается не только вопрос о земле. Каждый из этих людей хочет получить влияние на тех, кто стоит вокруг.

— Но разве они не говорят о нуждах народа? — спросил сын.

— Говорят. Иногда искренне. Иногда ради собственных целей.

— А как узнать, кто говорит правду?

Отец посмотрел на него.

— По тому, что человек делает, когда получает возможность исполнить свои обещания.

На площади тем временем разгорался спор. Один из слушателей выкрикнул, что сенаторы заботятся только о собственных владениях. Другой ответил, что народные вожаки разжигают ненависть, чтобы захватить власть. Вскоре несколько человек начали толкаться, и стража поспешила вмешаться.

Гай наблюдал за происходящим с тревогой.

— Они ведь все римляне, — произнёс он.

— Разумеется.

— Тогда почему они ненавидят друг друга?

— Потому что общая родина не всегда означает общие интересы.

Они отошли от толпы. По дороге домой отец рассказал сыну о недавних политических потрясениях, о борьбе за влияние между аристократическими кругами и сторонниками народных реформ. Он объяснил, что за внешними спорами о законах часто скрывается более глубокая борьба за право определять будущее государства.

Гай слушал внимательно, но его занимало не столько то, кто победит в очередном противостоянии, сколько сама природа происходящего.

— Если богатые не хотят уступать бедным, а бедные не доверяют богатым, кто должен примирить их?

— Тот, кому удастся добиться согласия.

— А если такого человека не окажется?

Гай-старший остановился.

— Тогда республика может оказаться перед опасностью, которую не сумеет преодолеть привычными средствами.

Вечером в доме снова собрались гости. Разговор продолжался за ужином, и теперь обсуждали положение военачальников, чьи победы и личная популярность всё чаще влияли на политическую жизнь. Один из присутствующих заметил, что легионы начинают проявлять большую преданность своим полководцам, чем государству.

— Солдат идёт за человеком, который делит с ним опасность, — сказал он. — Он доверяет тому, кто знает цену его крови.

— Но легион присягает Риму, — возразил другой.

— Присягает. Однако в походе солдат видит перед собой не сенат, а своего командира.

Гай слушал, стараясь не пропустить ни одного слова.

— А если полководец станет сильнее сената? — спросил он.

Один из гостей повернулся к мальчику.

— Тогда ему придётся решить, кому он служит: республике или самому себе.

— И что он выберет?

— Зависит от человека.

Аврелия, сидевшая рядом, заметила, что сын слишком внимательно прислушивается к подобным разговорам. После ужина она попросила его пройтись с ней по внутреннему дворику.

— Ты сегодня почти не разговаривал, — сказала она.

— Я слушал.

— И что понял?

— Что в Риме каждый говорит о спасении республики, но почти никто не доверяет другим.

Аврелия остановилась возле небольшого бассейна. Вода отражала огонь светильника, и её лицо казалось задумчивым.

— Недоверие редко возникает без причины, — произнесла она. — Но если оно становится привычкой, люди перестают различать настоящую опасность и собственные подозрения.

— Значит, они могут уничтожить государство, пытаясь его защитить?

— Такое случается гораздо чаще, чем думают.

Мальчик долго молчал.

— Я хочу увидеть Рим таким, каким он должен быть.

Аврелия посмотрела на сына с лёгкой печалью.

— Тогда тебе придётся сначала увидеть его таким, какой он есть.

Эти слова оказались для него важнее многих наставлений. Он постепенно понимал, что величие государства не определяется количеством покорённых земель, богатством казны или громкостью победных шествий. За внешним блеском всегда существует жизнь обычных людей, и именно она первой страдает, когда борьба за власть становится важнее общего блага.

Тем временем политические противоречия продолжали углубляться. Старые сторонники сенаторской олигархии опасались усиления народных движений, а их противники видели в традиционной аристократии препятствие для любых перемен. Влиятельные военачальники приобретали всё больший вес, и каждый новый конфликт заставлял римлян задумываться о том, насколько прочны основы их государства.

В доме Юлиев разговоры о политике постепенно переставали быть отвлечёнными рассуждениями. Они становились частью повседневной жизни, затрагивали семейные связи и заставляли осторожнее выбирать слова даже среди близких людей. Гай ещё не мог повлиять на происходящее, но уже видел, что будущее Рима будет определяться не только древними законами и сенатскими постановлениями, а прежде всего теми людьми, которые сумеют понять настроение времени и воспользоваться его переменами.

Он пока не знал, что однажды ему самому предстоит оказаться среди таких людей. Но республиканские противоречия уже входили в его жизнь, постепенно превращаясь из услышанных разговоров в личный опыт, который будет сопровождать его на протяжении всего пути.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЕРВЫЕ УРОКИ ОПАСНОСТИ

В Риме опасность редко появлялась внезапно. Чаще она приближалась постепенно, почти незаметно, скрываясь за привычными разговорами, торжественными обещаниями и спокойными лицами людей, которые ещё вчера считали себя друзьями. Город продолжал жить своей обычной жизнью: торговцы открывали лавки, ремесленники спешили к мастерским, сенаторы направлялись на заседания, а на Форуме по-прежнему спорили о законах и справедливости. Но за внешним порядком всё чаще ощущалось беспокойство.

Гай Юлий Цезарь был ещё слишком молод, чтобы понимать причины происходящего. Однако он уже научился замечать то, что взрослые старались не показывать детям: внезапное умолкание при появлении незнакомца, осторожные взгляды, прерванные разговоры и особую напряжённость в голосе отца, когда речь заходила о политике.

Однажды вечером в дом Юлиев пришёл человек, которого Гай прежде не видел. Он был одет небогато, но держался с достоинством. На его лице выделялись глубокие морщины, а на правой руке виднелся старый шрам. Отец принял гостя в отдельной комнате, попросив слуг никого не беспокоить.

Гай находился неподалёку и занимался чтением, когда услышал, как незнакомец произнёс:

— Они больше не спорят. Теперь каждый выбирает сторону.

— В Риме всегда выбирали стороны, — ответил отец.

— Но прежде человек мог изменить мнение, не опасаясь за собственную жизнь.

Наступила пауза.

— Времена меняются, — негромко произнёс Гай-старший. — И не всегда в лучшую сторону.

Мальчик поднял голову. Он не расслышал всего разговора, но понял, что речь идёт о чём-то серьёзном. Вскоре гость ушёл, а отец ещё долго оставался один.

За ужином Гай спросил:

— Отец, почему люди боятся говорить то, что думают?

Отец посмотрел на сына. Вопрос был простым, но ответить на него одним предложением оказалось невозможно.

— Потому что иногда слова могут причинить человеку больше вреда, чем оружие.

— Но если человек говорит правду, разве он должен бояться?

— Правда не всегда защищает того, кто её произносит. Бывают времена, когда люди готовы слушать только то, что им выгодно.

— Тогда зачем вообще говорить правду?

Гай-старший некоторое время молчал.

— Потому что иначе однажды ты сам перестанешь отличать правду от лжи. Но запомни ещё одно: прежде чем произнести важные слова, подумай, кому они могут навредить и ради чего ты собираешься их произнести.

Мальчик задумался. Ему казалось несправедливым, что человек должен выбирать между правдой и собственной безопасностью. Он ещё не знал, что подобный выбор однажды станет частью его собственной судьбы.

Через несколько дней отец взял его с собой на прогулку. Они направились к Форуму, где в это время собралось множество людей. На ступенях одного из общественных зданий спорили двое мужчин. Один был пожилым сенатором, другой — молодым человеком из семьи, не принадлежавшей к старой патрицианской знати.

— Вы говорите о порядке, — возмущённо произнёс молодой человек, — но всякий раз, когда простой гражданин просит изменить несправедливый закон, вы называете это угрозой государству!

— Государство не может существовать, если каждый требует для себя особых прав, — ответил сенатор.

— А если закон защищает только богатых?

Несколько человек вокруг одобрительно загудели. Сенатор нахмурился, но не успел ответить: его спутники увели его в сторону.

Гай наблюдал за происходящим с большим вниманием.

— Кто из них прав? — спросил он отца.

— Возможно, каждый в чём-то прав. Но ты заметил, что никто из них не попытался выслушать другого?

— Они только кричали.

— Именно. Когда человек начинает защищать не истину, а собственное положение, он перестаёт слышать чужие доводы.

Они продолжили путь. Вскоре Гай заметил возле колоннады нескольких молодых людей. Один из них громко рассказывал о своём знакомстве с влиятельными людьми и обещал, что скоро займёт высокое положение. Остальные слушали его с явным интересом.

— Посмотри на них, — сказал отец. — Некоторые уже сейчас считают, что власть принадлежит им по праву рождения. Другие уверены, что её можно получить благодаря деньгам или нужным знакомствам. Но мало кто задумывается о том, что он собирается делать с этой властью.

— А разве власть не нужна, чтобы помогать людям?

Отец слегка улыбнулся.

— Хороший вопрос. Только не забывай: человек может начать с желания помогать другим, а закончить тем, что станет требовать благодарности за каждое своё доброе дело.

Гай запомнил эти слова.

Настоящий урок опасности он получил немного позднее.

В один из дней мальчик отправился с домашним наставником в лавку, расположенную неподалёку от Форума. Возвращаясь домой, они оказались свидетелями неприятной сцены. Двое мужчин громко выясняли отношения возле входа в узкий переулок. Один обвинял другого в обмане, требуя вернуть деньги. Спор быстро перешёл в угрозы.

— Ты пожалеешь, что связался со мной! — выкрикнул один из них.

— Я уже пожалел, что поверил тебе! — ответил второй.

Один из мужчин толкнул другого. Тот упал, ударившись плечом о каменную ступень. Несколько прохожих остановились, но никто не спешил вмешиваться.

Гай невольно шагнул вперёд.

— Надо помочь ему!

Наставник схватил мальчика за руку.

— Не подходи.

— Но его ударили!

— Это не наше дело.

— Как же не наше, если ему больно?

Наставник не ответил. Он внимательно следил за мужчинами, опасаясь, что драка продолжится. В это время один из прохожих всё-таки позвал городского стражника. Услышав приближающиеся шаги, зачинщики поспешили разойтись.

Упавший мужчина поднялся с помощью незнакомого старика. Он был бледен и держался за плечо, но отказался от предложенной помощи, стараясь сохранить достоинство.

Гай смотрел ему вслед.

— Почему все сначала стояли и смотрели? — спросил он.

— Потому что никто не хотел оказаться втянутым в чужую ссору, — ответил наставник.

— Но если бы никто не вмешался, его могли бы убить.

— Возможно.

— Значит, иногда опасно даже просто помочь человеку?

Наставник вздохнул.

— Иногда. Но это не означает, что помогать не нужно. Просто следует понимать, когда твоя помощь действительно может что-то изменить.

Эти слова не успокоили Гая. Он продолжал думать о случившемся, пока они не вернулись домой.

Аврелия заметила его задумчивость и спросила, что произошло. Мальчик рассказал ей о драке, о равнодушных прохожих и о том, как наставник удержал его от вмешательства.

— Ты хотел помочь? — спросила она.

— Да.

— Это хорошо. Но скажи мне, что бы ты сделал, если бы вмешательство только усилило опасность?

Гай задумался.

— Я не знаю.

— Значит, тебе ещё предстоит научиться различать смелость и безрассудство. Смелый человек не тот, кто бросается навстречу любой опасности. Он тот, кто понимает, ради чего рискует.

— А если он ошибётся?

— Ошибаются все, сын мой. Важно не считать свою ошибку доказательством того, что добро вообще не имеет смысла.

Аврелия поправила складку его одежды и внимательно посмотрела ему в глаза.

— Но есть ещё одно, Гай. Никогда не позволяй чужому страху убедить тебя, будто несправедливость стала нормой. Люди быстро привыкают к тому, что кажется неизбежным. И тогда перестают замечать, как постепенно меняются сами.

Мальчик обнял мать. Он не до конца понял её слова, но почувствовал, что она говорит о чём-то гораздо более важном, чем недавняя уличная ссора.

В тот вечер Гай долго не мог заснуть. За окном слышались голоса поздних прохожих, скрип колёс и редкий лай собак. Рим не умолкал даже ночью, словно огромный живой организм, которому не было известно состояние покоя.

Он вспоминал отцовские слова о правде, спор на Форуме и человека, которого избили на улице. Все эти события казались разными, но постепенно складывались в одну картину. Он начинал понимать, что опасность не всегда приходит с мечом в руке. Иногда она возникает там, где люди перестают доверять друг другу, где сильный считает себя вправе унижать слабого, а остальные предпочитают отвести глаза.

Гай ещё не знал, какие испытания ждут его впереди. Он не мог представить ни будущих политических распрей, ни войн, ни того, что однажды ему самому придётся принимать решения, от которых будут зависеть тысячи человеческих жизней. Но первые уроки уже были усвоены: мир не делится просто на сильных и слабых, правых и виноватых. В нём гораздо больше противоречий, чем способен увидеть ребёнок. И всё же именно в детстве человек начинает выбирать, на чьей стороне ему предстоит стоять, когда однажды исчезнет возможность оставаться в стороне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЛОВЕК, НЕ ЖЕЛАВШИЙ СКЛОНЯТЬСЯ

Годы детства постепенно уходили, уступая место времени первых самостоятельных решений. Гай становился старше, и вместе с этим менялось его отношение к окружающему миру. Прежде он чаще задавал вопросы, теперь всё чаще пытался самостоятельно находить на них ответы. Не всегда эти ответы совпадали с тем, чему учили его наставники, и не всегда нравились взрослым.

В доме Юлиев по-прежнему соблюдали традиции. Аврелия следила за воспитанием сына, заботилась о его образовании и внимательно относилась к кругу людей, с которыми он общался. Гай изучал греческий язык, знакомился с произведениями древних авторов, занимался риторикой и постигал основы права. Ему предстояло научиться говорить убедительно, но мать не раз напоминала, что красноречие без способности мыслить превращается в опасное оружие.

Однажды к ним пришёл учитель риторики — пожилой грек по имени Филон. Он давно жил в Риме, хорошо знал нравы знатных семейств и пользовался уважением отца Гая. На этот раз он принёс несколько свитков с речами известных ораторов.

— Сегодня мы поговорим о том, как человек убеждает других, — объявил он, усаживаясь напротив ученика. — Скажи мне, Гай, что важнее для оратора: сила голоса, знание предмета или умение находить нужные слова?

— Знание предмета, — ответил мальчик.

Филон улыбнулся.

— Ответ достойный, но неполный. Можно знать истину и не суметь донести её до слушателей. Можно говорить красиво и при этом обманывать. А можно обладать и тем и другим, но использовать свои способности ради тщеславия.

— Тогда как понять, хороший ли человек перед тобой?

— Не по тому, как он говорит, а по тому, что делает, когда его слова перестают приносить ему выгоду.

Гай задумался.

— Значит, человек может произносить правильные речи, но поступать неправильно?

— Разумеется. История Рима полна таких людей. И не только Рима.

Филон раскрыл один из свитков и предложил ученику прочесть отрывок. Гай читал внимательно, иногда останавливаясь, чтобы уточнить значение слова. Затем учитель попросил его изложить собственное мнение о прочитанном. Мальчик говорил медленно, подбирая выражения, но в его рассуждениях уже чувствовалось стремление не просто повторять чужие мысли.

— Ты слишком часто споришь с автором, — заметил Филон.

— Но если я вижу, что он ошибается, разве должен соглашаться?

— Нет. Однако прежде чем возражать человеку, постарайся понять, почему он думает именно так.

— А если он защищает несправедливость?

Учитель внимательно посмотрел на него.

— Тогда тебе придётся научиться спорить не только с его словами, но и с теми интересами, которые за ними стоят. Это гораздо труднее.

Вскоре Гай впервые столкнулся с подобным противоречием не в учебном упражнении, а в жизни.

Отец взял его на встречу с одним из своих знакомых, человеком состоятельным и влиятельным. В его распоряжении находились земельные владения за пределами Рима, а в городе он имел связи среди нескольких сенаторов. За обедом разговор зашёл о положении мелких землевладельцев, которые всё чаще не выдерживали конкуренции с крупными хозяйствами.

— Такова жизнь, — равнодушно заметил хозяин дома. — Кто не умеет удержать свою землю, тот должен уступить её более способному владельцу.

— Но многие из них потеряли хозяйства не по собственной вине, — возразил отец Гая.

— Каждый найдёт причину оправдать свою неудачу. Государство не может отвечать за каждого бедняка.

Гай слушал молча. Ему вспомнился разговор с матерью о людях, которые перестают замечать чужие страдания, если те не затрагивают их собственных интересов.

— А если человек потерял землю из-за долгов, хотя всю жизнь трудился? — спросил он.

Хозяин повернулся к мальчику.

— Тогда ему следовало лучше рассчитывать свои возможности.

— Но разве не бывает обстоятельств, которые невозможно предвидеть?

На лице хозяина появилась снисходительная улыбка.

— Ты ещё молод, Гай. Когда-нибудь поймёшь, что мир не обязан подстраиваться под желания каждого человека.

Отец не стал вмешиваться, но внимательно посмотрел на сына.

— А вы считаете, что сильный всегда прав? — продолжал Гай.

— Я считаю, что сильный способен защитить то, что ему принадлежит.

— Даже если он получил это несправедливо?

На этот раз улыбка исчезла.

— Тебе следует внимательнее выбирать вопросы, юноша.

Гай хотел ответить, но отец положил руку ему на плечо.

— Достаточно.

Обед продолжился, однако прежней непринуждённости уже не было. По дороге домой Гай спросил отца, почему тот остановил его.

— Потому что ты находился в чужом доме и позволил себе говорить с хозяином так, будто он обязан перед тобой отчитываться.

— Но он ведь не ответил на мой вопрос.

— Не каждый человек готов отвечать на неудобные вопросы. И не всякий разговор стоит доводить до ссоры.

— Значит, нужно молчать?

— Нет. Нужно понимать, когда молчание разумно, а когда оно становится трусостью.

Гай шёл рядом, обдумывая услышанное.

— Я не хочу соглашаться с тем, что считаю неправильным.

— И не соглашайся, если убеждён в своей правоте. Но помни: твоя задача не в том, чтобы каждый раз побеждать в споре. Гораздо важнее не потерять способность видеть собственные ошибки.

Вечером Аврелия узнала о происшествии. Она не стала ругать сына, но попросила его рассказать всё своими словами. Гай повторил разговор почти дословно, не скрывая ни своих возражений, ни недовольства отцовским вмешательством.

— Ты хотел защитить тех людей, которых даже не знаешь, — сказала мать. — Это достойное желание. Но мне хотелось бы, чтобы ты научился защищать не только тех, кто вызывает у тебя сочувствие, но и собственную мысль от поспешности.

— Я не понимаю.

— Сегодня ты услышал человека, чьи взгляды тебе не понравились. Но ты ведь не знаешь всей его жизни, не знаешь, каким путём он пришёл к своим убеждениям. Это не оправдывает несправедливость, но помогает понять, с чем именно тебе предстоит спорить.

— А если он просто жадный?

Аврелия слегка улыбнулась.

— Возможно. Но даже жадный человек способен привести убедительные доводы в свою защиту. Поэтому не торопись считать себя победителем только потому, что другой человек оказался неприятен тебе.

Она подошла к атриуму и остановилась возле восковых изображений предков.

— Посмотри на эти лица. Ты знаешь, кем были некоторые из них. Знаешь их имена, должности, заслуги. Но разве можешь утверждать, что каждый из них всегда поступал правильно?

— Нет, — ответил Гай.

— Вот именно. Прошлое нельзя принимать целиком только потому, что оно принадлежит твоей семье. И настоящее нельзя отвергать целиком только потому, что оно тебе не нравится. Человек должен учиться различать.

Гай посмотрел на изображения предков. Раньше они казались ему молчаливыми свидетелями семейного величия. Теперь он всё чаще думал о том, что за каждым именем стояла человеческая жизнь со своими поступками, ошибками и сомнениями.

— А если однажды мне придётся выбирать между тем, что правильно, и тем, что выгодно нашей семье? — спросил он.

Аврелия не ответила сразу.

— Тогда ты узнаешь, насколько хорошо усвоил всё, чему тебя учили.

Спустя некоторое время отец стал чаще брать Гая с собой на городские собрания и встречи. Он не стремился сделать из сына участника политических споров раньше времени,

но считал необходимым, чтобы тот видел настоящую жизнь республики, а не только её торжественную сторону.

Гай наблюдал, как менялись лица людей в зависимости от того, кто говорил. Одни оживлялись, когда речь заходила о распределении земель, другие становились раздражёнными при упоминании народных собраний. Одни требовали соблюдения древних порядков, другие утверждали, что без перемен республика обречена на внутренние потрясения.

Особенно его поразило, что одни и те же люди могли выступать за свободу, когда речь шла об их собственных правах, и требовать строгого подчинения, когда дело касалось других.

Однажды, возвращаясь домой, Гай спросил отца:

— Почему каждый говорит, что защищает Рим, но они не могут договориться даже о том, что для него лучше?

— Потому что Рим для каждого означает нечто своё. Для одних это законы и традиции, для других — народ и его права, для третьих — богатство, земли и влияние.

— А что означает Рим для тебя?

Отец посмотрел на улицу, по которой они шли.

— Место, где живёт моя семья, где жили мои предки и где будут жить мои потомки. Но этого недостаточно, чтобы понять государство. Рим больше любой отдельной семьи, даже самой древней.

— А для меня?

— Тебе ещё предстоит ответить на этот вопрос.

Они остановились у входа в дом. Гай оглянулся на город, который постепенно погружался в вечерние сумерки. Он чувствовал, что перед ним открывается мир, куда более сложный, чем тот, который он знал по урокам. И всё же ему хотелось не отступать перед этой сложностью, не принимать готовых ответов только потому, что их произносили люди старше и влиятельнее его.

Отец заметил задумчивость сына, но не стал нарушать молчание. Он понимал, что воспитание не заключается в том, чтобы передать ребёнку все собственные убеждения. Иногда важнее позволить ему самому прийти к своим выводам, даже если путь окажется непростым.

Гай ещё не знал, что его нежелание склоняться перед чужим авторитетом однажды станет источником и силы, и опасности. Пока это было лишь свойством его характера — настойчивостью юноши, который хотел понять мир и не соглашался считать несправедливость неизбежной только потому, что так считали многие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. БЕГСТВО ОТ СМЕРТИ

Рим вступал в годы, когда прежние политические противоречия всё чаще превращались в открытую вражду. Люди, ещё недавно споривши о законах и полномочиях сената, теперь начинали смотреть друг на друга как на противников. В городе становилось всё больше вооружённых сторонников влиятельных политиков, а разговоры о республике всё чаще сопровождались упоминанием силы.

Гай взрослел в этой тревожной атмосфере. Он уже не был тем мальчиком, который слушал разговоры отца, не понимая их значения. Теперь он внимательно следил за событиями, читал сообщения, приходившие из разных частей Италии, и пытался разобраться, почему государство, созданное для защиты граждан, постепенно становится ареной борьбы между самими гражданами.

Особенно часто в доме Юлиев упоминали двух людей — Гая Мария и Луция Корнелия Суллу. Первый пользовался поддержкой значительной части народа и обладал огромным военным авторитетом. Второй приобрёл известность как талантливый полководец и человек, способный добиваться поставленных целей с исключительной решительностью. Их противостояние уже не было обычным политическим спором. За каждым именем стояли сторонники, военные связи, личные амбиции и воспоминания о прежних обидах.

Однажды вечером отец Гая вернулся домой необычно поздно. Он был утомлён и почти не притронулся к ужину. Аврелия сразу заметила его состояние.

— Что-нибудь произошло? — спросила она.

— Ничего такого, о чём стоило бы говорить при слугах.

Она поняла, что муж не хочет продолжать разговор. Позднее, когда они остались одни, Гай-старший рассказал ей о последних событиях. В Италии нарастало напряжение, а противостояние политических группировок становилось всё опаснее.

— Люди снова готовы решать государственные вопросы оружием, — сказал он. — И каждый уверен, что именно он спасает республику.

— А ты?

— Я всё меньше уверен, что кто-либо из них думает о республике больше, чем о собственной власти.

Аврелия долго молчала.

— Что будет с нашим сыном?

— Пока ничего. Он должен продолжать учиться и не вмешиваться в то, чего ещё не может изменить.

Но спокойствие, на которое надеялся отец, оказалось недолгим.

Вскоре весть о смерти Гая Юлия Цезаря-старшего потрясла семью.

Он умер внезапно, когда Гаю было около шестнадцати лет. Никакого долгого прощания не было. Ещё недавно отец разговаривал с сыном, давал ему советы и обсуждал семейные дела, а теперь его место в доме занимала тишина.

Гай не сразу осознал случившееся. В первые часы он словно ждал, что отец вернётся из очередной встречи, войдёт в атриум и привычным голосом спросит о занятиях. Но этого не произошло.

Аврелия держалась с достоинством. Она принимала родственников, распоряжалась подготовкой к погребению и заботилась о том, чтобы сын не оставался один среди людей, которые выражали соболезнования, но не могли разделить его горе.

Когда церемония закончилась и дом постепенно опустел, Гай остановился перед восковым изображением отца.

— Я не успел спросить его о многом, — тихо сказал он матери.

Аврелия подошла и положила руку ему на плечо.

— Никто не успевает спросить обо всём, что хотел бы узнать.

— Теперь я должен решать сам?

— Да. Но это не означает, что ты остался без опоры. Всё, чему отец тебя учил, останется с тобой, если ты сам не откажешься от этих знаний.

Гай опустил голову. Он впервые почувствовал, что взросление иногда наступает не постепенно, а в один день, когда человек вынужден принять ответственность, к которой ещё не успел привыкнуть.

Теперь он был старшим мужчиной в семье, хотя рядом оставались мать и другие родственники. На него ложились обязанности, связанные с именем Юлиев, имуществом и будущим положением рода. Но сильнее всего его занимала не семейная ответственность, а мысль о том, что отец больше никогда не ответит на его вопросы.

Между тем политическая борьба в Риме продолжалась. После смерти Мария его сторонники не исчезли, а напряжение между ними и приверженцами Суллы достигло предела. В 82 году до нашей эры Сулла овладел Римом и установил диктатуру. За победой последовали проскрипции — списки людей, объявленных врагами государства и подлежащих уничтожению. Их имущество конфисковывали, а тех, кто помогал преследуемым, подвергали опасности.

Для многих римлян это стало временем страха. Одни покидали город, другие искали защиты у влиятельных знакомых, третьи старались не привлекать к себе внимания. Даже древнее происхождение и прежние заслуги уже не гарантировали безопасности.

Гай наблюдал, как меняется поведение людей. Те, кто прежде уверенно рассуждал о законах, теперь говорили шёпотом. Знакомые семьи внезапно исчезали из привычного круга общения. Некоторые дома пустели, а на улицах всё чаще появлялись люди, которые ещё недавно были никому не известны, но теперь распоряжались чужими судьбами.

Однажды к Аврелии пришёл родственник, взволнованный и явно напуганный.

— Вам следует быть осторожнее, — сказал он. — Сейчас опасно даже поддерживать отношения с теми, кто когда-либо принадлежал к окружению Мария.

— Наша семья не участвовала в преступлениях, — спокойно ответила Аврелия.

— Здесь уже не всегда спрашивают о преступлениях. Иногда достаточно имени или родства.

Гай, находившийся в соседней комнате, вышел к ним.

— Если человек ни в чём не виноват, почему он должен скрываться?

Родственник посмотрел на него с раздражением.

— Потому что невиновность не всегда спасает от тех, кто держит в руках власть.

— Значит, закон больше ничего не значит?

— Юноша, ты слишком прямолинеен для такого времени.

— А разве сейчас нужно быть другим?

Аврелия вмешалась, прежде чем разговор стал резким.

— Гай, оставь нас.

Мальчик подчинился, но слова родственника не давали ему покоя. Он понимал, что речь идёт уже не о политических разногласиях, а о человеческих жизнях.

Вскоре опасность приблизилась и к его собственной судьбе.

Сулла потребовал, чтобы молодой Цезарь развёлся с Корнелией, дочерью Луция Корнелия Цинны, одного из главных политических противников диктатора. Брак связывал Гая с семьёй, принадлежавшей к враждебному Сулле политическому кругу. Отказ мог дорого обойтись.

Посланники передали требование. Аврелия выслушала их, не показывая волнения. Гай стоял рядом и понимал, что решение уже не может быть отложено.

— Ты знаешь, что от тебя требуют? — спросила мать, когда посланники ушли.

— Знаю.

— Ты понимаешь последствия отказа?

— Понимаю.

— Нет, Гай. Ты можешь представлять опасность, но ещё не знаешь, каково это — жить под угрозой смерти.

Он посмотрел на неё.

— Если я соглашусь, что останется от моего слова? Я женился на Корнелии не для того, чтобы отказаться от неё при первом требовании человека, который сильнее меня.

— Иногда уступка позволяет сохранить жизнь.

— А иногда она уничтожает всё, ради чего человек живёт.

Аврелия долго смотрела на сына. Перед ней стоял уже не ребёнок, которому она объясняла, что такое смелость и осторожность. Перед ней был молодой мужчина, начинавший самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Она могла не соглашаться с его решением, могла опасаться его последствий, но понимала, что принуждение не изменит его убеждений.

— Ты должен знать, — произнесла она наконец, — что твой выбор затронет не только тебя.

— Я знаю, мать.

— Тогда не забывай об этом ни на мгновение.

Гай отказался развестись с Корнелией.

Сулла не простил неповиновения. Молодой Юлий был лишён значительной части имущества и приданого жены, а его положение стало опасным. Вскоре он оказался в числе тех, кого преследовали по политическим причинам.

Для человека, привыкшего считать Рим своим домом, это означало необходимость покинуть город.

Отъезд готовили втайне. Гай понимал, что любое промедление может обернуться арестом. Ему пришлось оставить привычный дом, мать, жену и всё, что связывало его с прежней жизнью.

Аврелия помогала ему собраться. Она старалась сохранять спокойствие, хотя каждое движение выдавало внутреннее напряжение.

— Куда ты направишься? — спросила она.

— Пока не знаю. Постараюсь найти место, где меня не станут искать.

— А Корнелия?

— Я надеюсь, что она останется в безопасности.

— Надеяться мало. Нужно позаботиться о том, чтобы ей не пришлось расплачиваться за твоё решение.

Гай обещал сделать всё возможное.

Перед самым отъездом он остановился в атриуме. Восковые изображения предков казались ему теперь не только напоминанием о прошлом, но и немым свидетельством того, что фамильная история не всегда защищает человека от опасности. Он вспомнил отца, его слова о правде и осторожности, вспомнил мать, которая учила его не путать смелость с безрассудством.

— Ты вернёшься, — сказала Аврелия.

Это прозвучало не как предсказание, а как материнская уверенность, которую она старалась передать сыну.

Гай обнял её.

— Я вернусь.

Он вышел из дома до рассвета. Улицы ещё были пусты, и только редкие огни освещали каменные стены. Рим оставался позади, но вместе с ним не исчезала опасность. Теперь она сопровождала его повсюду.

Молодой Юлий покидал город не как побеждённый полководец и не как изгнанный преступник. Он уходил человеком, который впервые столкнулся с настоящей ценой собственного решения. Впереди его ждали неизвестность, лишения и необходимость заново завоёвывать своё положение. Но самое главное уже произошло: впервые он предпочёл риск безопасности, потому что счёл уступку недостойной себя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дорога, по которой Гай покинул Рим, не обещала ему ни безопасности, ни определённости. Он ехал на северо-восток, стараясь избегать больших городов и мест, где могли находиться люди, связанные с властями Суллы. Ещё недавно он был молодым представителем древнего патрицианского рода, человеком, перед которым открывались привычные пути римской карьеры. Теперь он оказался в положении беглеца, лишённого значительной части имущества и вынужденного скрывать собственное имя.

Первые дни были особенно тяжёлыми. Гай не привык к неопределённости, к ночлегам в чужих домах и к необходимости постоянно оглядываться. Он знал, что его могут задержать в любой момент, а приказ диктатора способен превратить обычную встречу с городским чиновником в смертельную опасность.

Но ещё тяжелее было отсутствие известий о близких. Он думал об Аврелии, о Корнелии, о доме, в котором прошло его детство. Иногда ему казалось, что он слышит материнский голос

или видит перед собой знакомый атриум с восковыми изображениями предков. Тогда он особенно остро ощущал, насколько далеко оказался от прежней жизни.

Однажды вечером, остановившись в небольшом поселении, он встретил человека, который узнал его.

Это был бывший военный, служивший когда-то под началом одного из римских командиров. Он долго смотрел на молодого человека, словно пытался убедиться, что не ошибся.

— Ты ведь из рода Юлиев? — наконец спросил он.

Гай не стал отрицать.

— Да.

— И тебя теперь ищут?

— Если ты знаешь об этом, значит, слухи распространяются быстрее, чем я рассчитывал.

Старый воин усмехнулся.

— В Риме слухи всегда опережают гонцов. Но не всякий, кто слышал о преследовании, готов выдать человека.

— Почему ты не боишься разговаривать со мной?

— Потому что я достаточно стар, чтобы помнить, как меняются хозяева Рима. Сегодня одни приказывают, завтра другие. А человеческая жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на поклонение каждому новому победителю.

Гай внимательно посмотрел на него.

— Ты служил Марию?

— Служил Риму. По крайней мере, так я думал тогда. Потом понял, что у каждого полководца есть собственное представление о том, что значит служить государству.

Старик предложил ему переночевать в своём доме. Гай согласился, но не сразу. Он уже научился осторожности и не хотел подвергать опасности человека, который проявлял к нему доброту.

— Если тебе станет известно, что за мной идут, ты должен немедленно сообщить мне, — сказал он.

— Не беспокойся. Я давно привык замечать чужие шаги.

Этой ночью Гай впервые за долгое время спал спокойно. Не потому, что опасность исчезла, а потому, что рядом оказался человек, который не требовал от него ни оправданий, ни объяснений.

Тем временем в Риме Аврелия не прекращала попыток добиться пересмотра положения сына. Она обращалась к родственникам, знакомым и тем, кто ещё сохранял влияние при новой власти. Однако далеко не все соглашались вмешиваться.

Одни опасались Суллы, другие считали, что молодой Юлий сам виноват в случившемся. Нашлись и такие, кто советовал Аврелии отказаться от борьбы, чтобы не подвергать опасности всю семью.

Она выслушивала их спокойно, но не отступала.

— Я не прошу никого рисковать своей жизнью ради моего сына, — говорила она. — Но не стану и притворяться, будто он совершил преступление.

Однажды ей удалось встретиться с человеком, имевшим доступ к окружению диктатора. Он выслушал её доводы, но предупредил, что положение Гая остаётся крайне тяжёлым.

— Сулла не любит, когда ему противоречат, — сказал он. — Особенно люди, которые считают себя вправе поступать по собственной воле.

— Мой сын не претендовал на власть и не поднимал оружия против государства.

— Для диктатора этого может оказаться недостаточно.

— Тогда, возможно, ему стоит задуматься, что останется от государства, если невиновный человек будет вынужден бежать только потому, что не согласился разрушить собственную семью.

Собеседник не нашёл ответа. Но Аврелия заметила, что её слова произвели впечатление.

Постепенно она добилась того, чего прежде не удавалось: несколько влиятельных римлян согласились ходатайствовать за Гая. Среди них были люди, которые не разделяли политических взглядов Цезаря, но считали его преследование чрезмерным.

Особое значение имело заступничество влиятельных родственников и знакомых семьи. Благодаря их усилиям вопрос о судьбе молодого Юлия был вновь поставлен перед Суллой.

Гай тем временем продолжал путь. Он не знал, удастся ли ему вернуться в Рим, и постепенно привыкал к мысли, что прежняя жизнь может остаться позади.

В одном из городов он получил известие, что положение изменилось. Человек, доставивший письмо, не знал подробностей, но сообщил, что за него вступились влиятельные римляне и что диктатор, по-видимому, готов пересмотреть своё решение.

Гай прочёл письмо несколько раз.

— Значит, мне можно возвращаться? — спросил он.

— Пока никто не даст тебе полной гарантии, — ответил посланник. — Но положение стало менее опасным.

— А что говорит Сулла?

— Говорят, он недоволен твоим упрямством. Однако его окружение советует ему не доводить дело до конца.

Гай задумался.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал из-за меня.

— Тогда тебе следует быть осторожнее, когда вернёшься.

Посланник ушёл, а Гай ещё долго сидел над письмом. Он чувствовал облегчение, но вместе с тем понимал: возвращение не будет простым. Он уже не мог смотреть на Рим глазами прежнего юноши.

Когда Гай наконец получил возможность вернуться, он не стал медлить. Дорога к городу показалась ему одновременно знакомой и чужой. Те же поля, те же поселения, те же дороги, по которым он ездил прежде, теперь напоминали ему о времени, когда он ещё не знал, насколько хрупким может оказаться положение человека.

Приближаясь к Риму, он всё чаще думал о матери. Ему хотелось увидеть её как можно скорее, убедиться, что она здорова и что долгие месяцы тревоги не сломили её.

Дом встретил его тишиной. Аврелия находилась в атриуме, когда слуга сообщил о возвращении сына. Она поднялась ещё до того, как он вошёл.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга.

— Ты вернулся, — сказала она.

— Я обещал.

Она обняла его, и только тогда Гай почувствовал, насколько сильно соскучился по дому.

— Как ты? — спросил он.

— Лучше теперь, когда вижу тебя перед собой.

— Я слышал, что ты пыталась добиться моего освобождения.

— Я делала то, что должна была сделать мать.

— Ты рисковала.

— Разве ты думал, что я позволю тебе одному нести последствия нашего общего несчастья?

Гай опустил голову. Он знал, что мать пережила не меньше, чем он сам, и что его решение, каким бы принципиальным оно ни казалось ему, принесло ей немало страданий.

— Прости меня.

Аврелия внимательно посмотрела на сына.

— Не проси прощения за то, что остался верен своему решению. Но впредь не забывай, что даже самые благородные поступки могут причинять боль тем, кто тебя любит.

Он кивнул.

Затем Гай спросил о Корнелии. Аврелия рассказала, что та пережила тяжёлое время, но осталась верна мужу. Услышав это, он впервые за долгое время позволил себе улыбнуться.

Вскоре он встретился с женой. Их разговор был долгим и не требовал посторонних свидетелей. Корнелия не стала упрекать его за отъезд, а Гай не пытался представить пережитое как подвиг.

— Я боялся, что больше не увижу тебя, — признался он.

— Я тоже боялась, — ответила она. — Но ещё больше боялась, что однажды ты вернёшься человеком, который перестал верить собственным словам.

Гай взял её за руки.

— Этого не произошло.

— Я вижу.

Возвращение в Рим не означало, что опасность исчезла. Сулла по-прежнему обладал огромной властью, а память о преследованиях была слишком свежей, чтобы люди могли чувствовать себя свободно. Гай понимал, что ему необходимо восстановить своё положение, но теперь он иначе смотрел на политическую жизнь.

Он видел, как быстро меняются отношения между людьми, когда на кону оказывается безопасность. Те, кто прежде называл его другом, избегали встреч. Некоторые знакомые делали вид, будто ничего не произошло. Другие, напротив, проявляли участие, которого он не ожидал.

Особенно его поразило поведение одного из прежних приятелей семьи. Когда-то этот человек часто бывал в доме Юлиев и говорил о чести, верности и древних римских добродетелях. Теперь он при встрече поспешил перейти на другую сторону улицы.

Гай заметил его, но не окликнул.

Вечером он рассказал об этом матери.

— Ты разочарован? — спросила Аврелия.

— Скорее удивлён. Я думал, что знаю его лучше.

— Иногда несчастье не меняет людей, а только показывает, какими они были прежде.

— Значит, я должен теперь никому не доверять?

— Нет. Но доверие не следует раздавать только потому, что человек умеет красиво говорить.

Гай задумался.

— Мне кажется, я стал иначе понимать отца.

— Почему?

— Он часто говорил, что в политике нельзя судить о человеке только по его словам. Теперь я начинаю понимать, что он имел в виду.

Аврелия посмотрела на сына с тихой печалью.

— Жаль, что для этого тебе пришлось пройти через такое испытание.

В тот вечер Гай долго стоял у открытого окна. Рим жил своей обычной жизнью, но теперь он знал, что за внешним спокойствием может скрываться страх, а за громкими словами о свободе — желание подчинить других. Он вернулся домой, однако прежним человеком уже не был. Пережитое научило его осторожности, но не заставило отказаться от собственных убеждений. И, пожалуй, именно это было главным итогом его возвращения: он понял, что достоинство человека проверяется не тогда, когда ему ничего не угрожает, а тогда, когда за верность самому себе приходится платить.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЦЕНА ПЕРВОГО ВЫБОРА

Возвращение в Рим не принесло Гаю Юлию Цезарю прежнего спокойствия. Город постепенно привыкал к власти Суллы, но это спокойствие было обманчивым. После кровавых расправ многие предпочитали не вспоминать о недавних событиях, а те, кто сохранил имущество и положение, старались не задавать лишних вопросов. Победители утверждали, что респуб-

лика спасена, побеждённые учились молчать, а простые граждане надеялись, что самое страшное уже позади.

Гай видел, что страх изменил не только политическую жизнь, но и повседневные отношения между людьми. На Форуме стало меньше открытых споров. В богатых домах осторожнее выбирали гостей. Даже старые знакомые, прежде свободно обсуждавшие государственные дела, теперь предпочитали говорить о торговле, семейных заботах и погоде.

Ему предстояло решить, каким образом жить дальше.

Он мог остаться в Риме, восстановить связи семьи и постепенно возвращать утраченное положение. Но тогда пришлось бы учитывать настроения новой власти и избегать всего, что могло вызвать подозрение. Другой путь предполагал службу вдали от столицы, где можно было приобрести опыт, заслужить уважение и на некоторое время отойти от опасной политической атмосферы.

Аврелия не торопила сына с решением. Она понимала, что после пережитого ему необходимо самому определить направление своей жизни.

Однажды вечером Гай заговорил об этом с матерью.

— Я не хочу всю жизнь оглядываться, прежде чем сказать то, что думаю.

— Тогда тебе придётся научиться отвечать за свои слова.

— Я готов.

— Готовность — ещё не опыт, Гай. Ты уже убедился, что одно решение может изменить судьбу человека. Но теперь тебе предстоит понять, как жить после такого решения.

— Иногда мне кажется, что я слишком рано оказался перед выбором, который должен был сделать человек гораздо старше меня.

— Возможно. Но возраст не всегда определяет, когда приходит время отвечать за собственную жизнь.

Он посмотрел на мать.

— Ты жалеешь, что я отказался развестись с Корнелией?

Аврелия задумалась.

— Я жалею о том, что тебе пришлось рисковать жизнью. Но не стану говорить, что ты должен был поступить иначе. Ты принял решение, которое считал правильным, и выдержал его последствия. Теперь важно не превратить этот поступок в повод считать себя лучше других.

— Я не думаю, что лучше.

— Хорошо. Потому что человек, однажды проявивший твёрдость, ещё не становится мудрым. Иногда твёрдость спасает его, а иногда мешает увидеть очевидное.

Гай запомнил эти слова. Они казались ему особенно важными после всего, что произошло.

Вскоре он начал готовиться к отъезду на Восток. Ему предстояло поступить на военную службу и приобрести опыт, которого не могли дать ни семейные беседы, ни занятия риторикой, ни наблюдения за сенатскими спорами.

В то время римское государство продолжало вести войны за пределами Италии. На Востоке сохранялось напряжение, связанное с противостоянием Рима и понтийского царя Митридата VI. Римские полководцы стремились укрепить влияние республики в провинциях, а местные правители внимательно следили за переменами в политике великой державы.

Гай понимал, что военная служба откроет ему новый мир. Там он встретится с людьми, для которых происхождение и красноречие будут иметь гораздо меньшее значение, чем способность переносить трудности, сохранять дисциплину и принимать решения в опасной обстановке.

Перед отъездом он встретился с одним из старых знакомых отца, который когда-то служил в армии и теперь жил в Риме.

— Ты собираешься на Восток? — спросил тот.

— Да. Мне кажется, сейчас это лучший путь.

— Военная служба не похожа на то, что ты видел на городских собраниях.

— Я понимаю.

— Нет, пока не понимаешь. В Риме человек может произнести прекрасную речь и получить поддержку толпы. В походе ему придётся делить с другими холод, голод, усталость и опасность. Там быстро выясняется, чего стоят его слова.

— Именно поэтому я и хочу отправиться туда.

Старый воин внимательно посмотрел на него.

— Тогда запомни: солдаты не обязаны любить своего командира. Но они должны понимать, что он не бросит их ради собственного спасения.

— А если командир ошибётся?

— Хороший командир первым признает ошибку, пока она ещё не погубила людей.

Гай задумался. Он всё чаще замечал, что настоящая власть требует не только умения приказывать, но и готовности отвечать за тех, кто вынужден подчиняться.

Первые дни после отъезда из Рима были наполнены дорожными заботами. Гай знакомился с людьми, которые направлялись в те же края, слушал рассказы ветеранов и постепенно привыкал к мысли, что его жизнь теперь будет связана с военной службой.

Один из попутчиков, молодой человек из всаднического сословия, по имени Марк, разговорился с ним во время остановки.

— Ты ведь из знатной семьи? — спросил он.

— Из древнего патрицианского рода.

— Тогда зачем тебе армия? Мог бы остаться в Риме и искать должность.

— Для этого мне ещё предстоит многое сделать.

— Но у тебя есть имя, связи, родственники. Другие начинают почти с нуля.

— Имя может открыть дверь, — ответил Гай. — Но оно не научит человека тому, что находится за этой дверью.

Марк рассмеялся.

— Хорошо сказано. Ты всегда так отвечаешь?

— Только когда меня спрашивают.

— А если я скажу, что происхождение всё-таки решает многое?

— Тогда я соглашусь. Но не во всём.

Они продолжили разговор. Марк оказался человеком наблюдательным, хотя и несколько самоуверенным. Он был убеждён, что в римской жизни всё определяется положением, деньгами и нужными знакомствами. Гай не спорил с ним без необходимости, но внутренне всё чаще возвращался к мысли, что человек должен доказать собственную состоятельность поступками.

Впервые он почувствовал, что покидает Рим не просто ради безопасности. Перед ним открывалась возможность увидеть мир за пределами привычного круга, испытать себя и понять, каким человеком он хочет стать.

Когда Гай прибыл на Восток, его встретила совершенно иная жизнь. Здесь римская власть существовала среди народов с древними обычаями, собственными государственными традициями и представлениями о достоинстве. Города были непохожи на Рим, языки звучали непривычно, а местные жители порой с недоверием относились к прибывшим легионерам.

Гай внимательно наблюдал за происходящим. Он видел, как римские чиновники решают вопросы управления, как военные требуют выполнения приказов, как торговцы пытаются воспользоваться присутствием армии для собственной выгоды. Постепенно ему становилось ясно, что могущество Рима держится не только на легионах, но и на сложной системе соглашений, обязательств и взаимных интересов.

Военная служба потребовала от него дисциплины. Приходилось подчиняться приказам, переносить неудобства, терпеть жару и долгие переходы. Он учился обращаться с оружием, знакомился с военным устройством и наблюдал за действиями опытных командиров.

Однажды во время стоянки он стал свидетелем спора между римским офицером и местным жителем. Последний жаловался на то, что солдаты забрали у него имущество без надлежащей оплаты.

— Армия не может останавливаться из-за каждого недовольного торговца, — раздражённо произнёс офицер.

— Но если ваши люди забирают то, что им не принадлежит, почему мы должны считать вас защитниками? — ответил местный житель.

Офицер приказал ему замолчать.

Гай вмешался, попросив проверить обстоятельства дела. Выяснилось, что жалоба была обоснованной: несколько солдат действительно забрали товары, не рассчитавшись.

— Их следует наказать, — сказал Гай.

Офицер посмотрел на него с недовольством.

— Ты слишком серьёзно относишься к жалобам местных жителей.

— Если мы требуем от них подчинения, то должны сами соблюдать установленные правила.

— Ты ещё молод и не понимаешь, как действует армия.

— Возможно. Но я понимаю, что человек, которому не доверяют, не сможет рассчитывать на искреннюю поддержку.

Офицер не стал продолжать спор. Вопрос был передан командованию, и пострадавшему выплатили компенсацию.

Этот случай не сделал Гая известным, но оставил в его памяти важный след. Он понял, что власть проверяется не только победами и приказами. Иногда её истинное лицо проявляется в отношении к человеку, который не способен оказать сопротивление.

В свободные часы Гай писал Корнелии. Его письма были сдержанными, но в них чувствовалось желание сохранить близость, несмотря на расстояние. Он рассказывал о службе, о людях, которых встречал, о непривычных городах и о том, как постепенно меняется его взгляд на мир.

Корнелия отвечала ему, сообщала новости из Рима и передавала приветы от Аврелии. Она не требовала от мужа обещаний, что он скоро вернётся. Оба понимали, что обстоятельства пока не позволяют им самим распоряжаться временем.

В одном из писем она написала:

«Я рада, что ты находишь в своей новой жизни дело, которое считаешь важным. Но не забывай, что за пределами Рима есть люди, которые ждут твоего возвращения. Не позволяй службе и честолюбию отнять у тебя способность оставаться человеком».

Гай перечитал эти строки несколько раз. Он понял, что Корнелия видит опасность, которую он сам пока не хотел признавать: стремление доказать собственную состоятельность может постепенно превратиться в желание постоянно превосходить других.

Он сложил письмо и убрал его среди личных вещей.

Впереди его ждали новые испытания. Первое решение, принятое им вопреки воле Суллы, уже изменило его жизнь. Теперь ему предстояло доказать, что пережитое не сделало его пленником собственной гордости, а военная служба не превратила стремление к достоинству в обычное честолюбие. Гай ещё не знал, куда приведёт его этот путь, но впервые за долгое время чувствовал, что движется не только прочь от опасности, но и навстречу собственной судьбе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. РИМСКИЕ МАСКИ

Восток постепенно открывал Гаю Юлию Цезарю мир, который невозможно было увидеть из окон римского дома или с возвышения, где выступали ораторы. Здесь он впервые в полной

мере столкнулся с тем, что могущество государства не всегда означает уважение к нему, а громкие заявления о справедливости нередко скрывают обыкновенное стремление к выгоде.

Римляне называли себя носителями порядка и закона. Но местные жители видели в них прежде всего представителей державы, которая могла потребовать налоги, вмешаться в дела города или изменить судьбу целой области. Одни встречали римских воинов с надеждой, другие — с опаской, третьи старались извлечь пользу из нового положения вещей.

Гай не спешил выносить суждения. Он наблюдал, слушал и постепенно учился различать людей за их общественными положениями.

Однажды ему довелось присутствовать при встрече римского представителя с городскими старейшинами. Переговоры касались поставок продовольствия и выполнения обязательств перед римской армией. Представитель говорил вежливо, почти дружелюбно, но за его любезностью ощущалась твёрдая уверенность человека, который привык получать желаемое.

Один из старейшин, седой мужчина с усталым лицом, долго выслушивал его, а затем ответил:

— Мы готовы исполнить соглашение. Но наши запасы не безграничны. Если забрать всё, что вы требуете, людям нечем будет кормить семьи.

— Рим не просит невозможного, — спокойно произнёс чиновник.

— Для вас, возможно, это лишь цифры на табличке. Для нас — хлеб, который должен остаться в домах.

Чиновник не изменился в лице.

— Обязательства должны выполняться.

После окончания встречи Гай задержался, чтобы поговорить со стариком.

— Вы считаете, что с вами поступили несправедливо?

— Я считаю, что люди, которые никогда не испытывали нужды, легко распоряжаются чужим хлебом.

— Но ведь соглашение было заключено добровольно?

Старик внимательно посмотрел на него.

— Молодой римлянин, когда большой город предлагает маленькому соглашение, тот обычно хорошо понимает, что отказ может обойтись ему дороже согласия.

Гай не нашёл немедленного ответа.

— Вы ненавидите Рим?

— Нет. Я слишком стар, чтобы ненавидеть целый народ. Среди римлян есть достойные люди. Но я научился опасаться тех, кто считает силу доказательством собственной правоты.

Эти слова надолго остались в памяти молодого Юлия.

Вскоре Гай познакомился с другим человеком, совершенно непохожим на старейшину. Это был богатый местный торговец, который свободно говорил по-гречески и поддерживал отношения с римскими чиновниками. Он часто бывал в расположении военных, приносил подарки и охотно предлагал свои услуги.

Однажды торговец пригласил нескольких римских офицеров к себе на обед. Среди приглашённых оказался и Гай.

Дом был просторным, украшенным мозаиками и изображениями восточных богов. Слуги подавали блюда, а хозяин непрерывно рассказывал о своей преданности Риму.

— Я всегда восхищался вашей республикой, — говорил он. — Ваша сила, ваши законы, ваша дисциплина заслуживают уважения. Для меня большая честь принимать римских воинов.

Один из офицеров улыбнулся:

— Похоже, ты знаешь, как расположить к себе гостей.

— Я лишь говорю то, что думаю.

Гай слушал, но вскоре заметил, что торговец постоянно переводит разговор к вопросам поставок и торговли. Он расхваливал свои склады, рассказывал о выгодных маршрутах и осто-

рожно намекал, что мог бы стать незаменимым посредником между римской армией и местными купцами.

После обеда Гай спросил одного из офицеров:

— Ты доверяешь этому человеку?

— А почему нет? Он полезен.

— Я спросил не об этом.

Офицер усмехнулся.

— Доверие в подобных делах редко бывает безусловным. Мы получаем от него то, что нам нужно, а он получает возможность зарабатывать. Пока наши интересы совпадают, всё устраивает обе стороны.

— А если перестанут совпадать?

— Тогда мы найдём другого торговца.

Гай задумался. Он видел, что здесь никто не притворяется бескорыстным, но ему было неприятно наблюдать, как человеческие отношения превращаются в расчёт.

Позднее он снова встретил торговца и спросил его прямо:

— Вы действительно так восхищаетесь Римом, как говорили за обедом?

Тот рассмеялся.

— Молодой человек, вы слишком серьёзно воспринимаете застольные речи.

— Разве вы не говорили правду?

— Я говорил то, что помогает мне жить в согласии с теми, от кого зависит моя торговля. Разве это преступление?

— Нет. Но это не то же самое, что уважение.

Торговец некоторое время смотрел на него, затем пожал плечами.

— Возможно. Но вы ещё молоды. Когда станете старше, поймёте, что не всякую правду следует произносить вслух.

Гай покинул его дом с неприятным чувством. Он всё яснее видел, что люди нередко надевают маски не только для того, чтобы обмануть окружающих, но и для того, чтобы защитить собственное положение.

Военная служба тем временем продолжалась. Гай привыкал к распорядку, учился переносить трудности и наблюдал за командирами. Он видел людей, которые умели внушать уважение без громких слов, и тех, кто пытался компенсировать недостаток авторитета суровостью.

Особенно его заинтересовал один опытный центурион, отличавшийся немногословностью. Солдаты уважали его не за происхождение и не за богатство, а за то, что он никогда не требовал от других того, чего не был готов сделать сам.

Однажды после трудного перехода Гай увидел, как центурион помогал раненому легионеру. Он не ограничился приказом позвать лекаря, а сам поддерживал солдата, пока тот не оказался в безопасном месте.

— Ты давно служишь? — спросил его Гай позднее.

— Достаточно давно, чтобы перестать считать годы.

— Тебя уважают солдаты.

— Уважение не выдаётся вместе с должностью.

— А как его заслужить?

Центурион посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Не обманывать людей. Не бросать их в беде. Не требовать невозможного только потому, что у тебя есть право приказывать.

— А если приказ необходимо выполнить, хотя он кажется несправедливым?

— Тогда сначала подумай, действительно ли он необходим. Но если ты командир, помни: отвечать придётся не только за приказ, но и за тех, кто его исполнит.

Гай слушал внимательно. Он понимал, что перед ним не философ и не оратор, но слова этого человека казались ему убедительнее многих речей, которые он слышал в Риме.

В тот вечер он впервые записал для себя несколько мыслей о военной власти и ответственности. Он не знал, пригодятся ли они когда-нибудь, но чувствовал, что должен сохранить их.

Прошло некоторое время. Весть о том, что положение Суллы остаётся прочным, доходила до восточных провинций, однако здесь она уже не вызывала такого страха, как прежде. Для многих людей римская политика была далёкой игрой влиятельных семейств, последствия которой ощущались главным образом через налоги, военные требования и решения наместников.

Гай всё чаще думал о Риме. Ему хотелось вернуться, вновь увидеть мать и Корнелию, но он понимал, что пока рано считать своё положение окончательно восстановленным.

Однажды он получил письмо от Аврелии. Мать сообщала, что здоровье её удовлетворительно, дела семьи постепенно приходят в порядок, а в городе по-прежнему много разговоров о политике. В конце письма она добавила несколько строк, которые Гай перечитал особенно внимательно:

«Не стремись доказать всем, что ты сильнее обстоятельств. Иногда человеку достаточно сохранить себя и не позволить обстоятельствам изменить то, что в нём действительно важно».

Он сложил письмо и долго держал его в руках.

За время службы он стал осторожнее, научился меньше доверять красивым обещаниям и внимательнее относиться к поступкам. Но он не хотел превращаться в человека, который видит во всех окружающих только возможных противников.

Римские маски встречались повсюду — в политике, торговле, военном управлении и даже в дружбе. Однако Гай начинал понимать, что за каждой маской скрывается не только ложь. Иногда человек прятал страх, иногда — слабость, иногда — желание сохранить достоинство в обстоятельствах, которые не оставляли ему выбора. И чтобы судить о человеке, нужно было научиться видеть не только то, что он показывает миру, но и то, чего боится показать самому себе.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ДОРОГА К СЛАВЕ

К тому времени Гай уже не был неопытным юношей, покинувшим Рим после конфликта с Суллой. Военная служба изменила его представления о людях, о власти и о самом себе. Он научился терпению, понял значение дисциплины и увидел, что даже самый способный человек не может добиться успеха в одиночку.

Но вместе с опытом в нём росло честолюбие.

Он не скрывал от себя, что хочет добиться высокого положения. Ему хотелось не просто вернуть утраченное семейное влияние, но и доказать, что имя Юлиев не станет очередной строкой в списке древних родов, утративших значение. Он стремился к деятельности, которая позволила бы ему оставить заметный след в жизни государства.

Однако теперь его честолюбие было сложнее прежнего. Он уже понимал, что власть не является наградой за происхождение, а слава может оказаться опасной для человека, который начинает принимать восхищение окружающих за доказательство собственной исключительности.

Вскоре обстоятельства предоставили ему возможность проявить себя.

Во время одной из военных операций Гай оказался среди тех, кто должен был участвовать в организации обороны и поддержании порядка в лагере. Война на Востоке требовала от римлян не только боевой решительности, но и умения действовать среди городов, населённых разными народами. Ошибка в переговорах могла вызвать восстание, а неосторожное обращение с местными жителями — лишить армию необходимой поддержки.

Гай старался не ограничиваться исполнением поручений. Он внимательно изучал обстановку, интересовался местными обычаями, расспрашивал переводчиков и военных о положении в соседних городах. Ему хотелось понять не только то, что происходило непосредственно перед ним, но и причины происходящего.

Один из старших офицеров однажды заметил:

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— Разве это плохо?

— Для человека, который хочет быстро продвинуться по службе, иногда лучше меньше спрашивать и больше выполнять.

— А если приказ основан на неверном представлении о ситуации?

— Тогда придётся исправлять последствия.

— Но разве не лучше предупредить ошибку заранее?

Офицер усмехнулся.

— Ты всё ещё веришь, что мир устроен разумно.

— Нет. Я просто не хочу добавлять к его беспорядку собственную небрежность.

Старший военный рассмеялся, но в его взгляде появилось уважение.

Вскоре Гаю представилась возможность проявить личную храбрость. Во время столкновения с противником он действовал решительно и не растерялся в момент, когда обстановка стала опасной. Он не совершил ничего, что могло бы сразу превратить его в героя всей армии, но его поведение заметили.

Особенно важно было то, что он не пытался присвоить себе чужие заслуги. Когда один из офицеров похвалил его за успешное выполнение поручения, Гай указал на солдат, которые обеспечили успех операции.

— Без них ничего бы не получилось, — сказал он.

— Но решение принимал ты.

— Решение ничего не стоит, если люди не способны его выполнить.

Офицер посмотрел на него внимательно.

— Запомни, молодой Юлий: далеко не каждый командир думает так.

Гай не ответил. Он понимал, что ещё слишком мало знает о настоящем военном руководстве, чтобы делать выводы о себе.

После столкновения он помог организовать отправку раненых и проверку запасов. Вечером, когда основная работа была закончена, к нему подошёл тот самый центурион, с которым он прежде беседовал о доверии солдат.

— Сегодня ты не растерялся, — заметил он.

— Мне повезло.

— Удача помогает тем, кто не теряет голову. Но не думай, что один удачный день делает тебя воином.

— Я и не думаю.

— Хорошо. Самые опасные люди в армии — не те, кто боится. А те, кто после первой победы перестаёт бояться вообще.

Гай улыбнулся.

— Постараюсь не стать одним из них.

Вскоре он оказался в Митилене, на острове Лесбос, где римляне вели военные действия против противников своего влияния. Именно здесь молодой Цезарь проявил себя в обстоятельствах, которые впоследствии принесли ему известность.

Римский полководец Марк Минуций Терм поручил ему дипломатическую миссию к правителю Вифинии Никомеду IV. Римлянам требовалась помощь в кораблях, и Гай должен был добиться содействия союзного царя.

Поручение было важным. От его выполнения зависели не только военные приготовления, но и отношения Рима с одним из восточных государей.

Гай отправился в Вифинию и сумел добиться необходимой поддержки. Он проявил себя как способный переговорщик, умеющий говорить с представителями чужой культуры и при этом не забывать об интересах своего государства.

Позднее недоброжелатели распространяли слухи о его близости с Никомедом. Эти разговоры сопровождали Цезаря ещё долгие годы, становясь предметом насмешек и политических выпадов. Истинные обстоятельства их отношений остаются предметом споров, но сам эпизод показывает, насколько рано вокруг молодого Юлия начали возникать легенды, которые могли использовать его противники.

Гай не мог управлять всеми слухами. Он постепенно усваивал, что общественная жизнь Рима редко ограничивается тем, что человек действительно совершил. Поступок может быть забыт, а насмешка — повторяться десятилетиями, если она оказывается удобной для политической борьбы.

Во время осады Митилены Цезарь оказался в ситуации, когда его личная храбрость получила официальное признание.

В одном из боевых эпизодов римские воины столкнулись с серьёзным сопротивлением. Сражение развивалось напряжённо, и в какой-то момент один из римских солдат оказался в опасности. Гай не остался в стороне. Он проявил мужество, которое заметили его командиры и товарищи.

За проявленную храбрость он был удостоен гражданской короны — Corona Civica, одной из наиболее почётных военных наград Рима. Её вручали за спасение жизни римского гражданина в бою.

Эта награда имела особое значение. Она была не просто знаком отличия, а признанием того, что человек рисковал собственной жизнью ради другого гражданина.

Когда Гай получил её, он не стал произносить длинной речи. Он понимал, что впереди ещё много испытаний и что одна награда не определяет всей человеческой судьбы.

Один из товарищей поздравил его:

— Теперь о тебе будут говорить в Риме.

— Возможно.

— Ты не рад?

— Рад. Но больше всего я рад тому, что тот человек остался жив.

Товарищ покачал головой.

— Ты странный человек, Юлий. Другой на твоём месте уже рассказывал бы всем о собственном подвиге.

— Если мне придётся постоянно рассказывать о нём, значит, я слишком мало сделал после него.

Тем временем политическая ситуация в Риме изменилась. Сулла умер в 78 году до нашей эры. Его смерть не означала немедленного возвращения прежней республиканской жизни, но ослабила власть тех, кто прежде опирался на его авторитет.

В столице вновь начались споры о его наследии. Одни защищали проведённые им реформы и утверждали, что диктатура восстановила порядок. Другие требовали отмены ограничений и возвращения политических прав тем, кто пострадал от его правления.

Гай внимательно следил за новостями. Он понимал, что возвращение в Рим теперь может открыть перед ним новые возможности. Но прежде чем сделать этот шаг, он хотел завершить службу и не возвращаться человеком, который лишь спасся от преследования.

Он получил известие от Корнелии. Она писала, что Аврелия по-прежнему здорова, что семья ждёт его возвращения и что в Риме снова появились люди, готовые открыто говорить о политике.

В конце письма она добавила:

«Ты всегда стремился к большему, чем простая спокойная жизнь. Я понимаю это и не хочу удерживать тебя от твоего пути. Но помни, что слава не умеет любить, прощать или ждать. Это умеют только люди».

Гай перечитал эти строки и отложил письмо.

Он уже знал, что хочет вернуться в Рим. Там находились его семья, его прошлое и будущее, которое он ещё не мог представить. Но теперь он возвращался не только ради восстановления положения. Он хотел участвовать в жизни государства, влиять на происходящее и добиться того, чтобы его голос был услышан.

Впервые дорога к славе перестала казаться ему далёкой мечтой. Он понимал, что она будет трудной, что придётся терпеть поражения, сталкиваться с завистью и отвечать за собственные решения. Но он уже не боялся трудностей так, как прежде.

За его плечами оставались изгнание, служба, первые испытания и военная награда. Впереди был Рим — город, который когда-то заставил его бежать, а теперь вновь призывал к себе. И Гай Юлий Цезарь возвращался туда с намерением занять своё место среди людей, от которых зависела судьба республики.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. СОЮЗ СИЛЬНЫХ

Когда Гай Юлий Цезарь вернулся в Рим, город уже жил другими политическими ожиданиями. Суллы не было в живых, его сторонники постепенно теряли прежнюю уверенность, а противники диктатуры вновь заговорили о восстановлении прав, которых республика лишилась за годы насилия.

Но смерть диктатора не могла мгновенно залечить раны государства. Слишком многие получили выгоду от прежнего порядка, слишком многие потеряли близких и имущество, слишком глубоко укоренился страх перед новой расправой. Рим снова спорил о свободе, однако каждый понимал её по-своему.

Гай вернулся человеком, который успел узнать цену политического неповиновения и почувствовать, насколько ненадёжными могут быть общественные связи. Военная служба дала ему опыт и признание, но не принесла богатства, необходимого для успешной политической карьеры. Значительную часть семейного состояния он утратил, а восстановление прежнего положения требовало времени.

Первым делом он посетил Аврелию.

Мать встретила его в атриуме. Она постарела, но сохранила ту же осанку и внимательный взгляд, которые он помнил с детства.

— Теперь ты выглядишь иначе, — сказала она, рассматривая сына.

— Надеюсь, не хуже.

— Не в этом дело. Ты стал спокойнее. Раньше тебе хотелось немедленно отвечать на каждое возражение.

— А теперь?

— Теперь ты сначала слушаешь. Это уже немало.

Гай улыбнулся.

— Значит, служба пошла мне на пользу.

— Возможно. Но не думай, что военный опыт научил тебя всему. В Риме есть опасности, против которых нельзя выставить легион.

Он понимал, что мать говорит о политике.

Позднее он встретился с Корнелией. Их семейная жизнь постепенно возвращалась в привычное русло. После долгой разлуки им предстояло заново привыкнуть к присутствию друг друга, к ежедневным разговорам и общим заботам. Гай рассказывал о Востоке, Корнелия —

о Риме. Иногда они спорили, но теперь оба лучше понимали, насколько важна способность слышать другого.

Вскоре Цезарь начал выступать на Форуме. Он не располагал средствами, которыми могли похвастаться некоторые представители знатных семей, но обладал хорошим образованием, природным даром убеждения и умением запоминать детали чужих рассказов.

Он выступал в судебных разбирательствах, защищал людей, чьи дела привлекали общественное внимание, и постепенно приобретал известность как оратор. Его речь отличалась энергией, ясностью и тщательной подготовкой. Он не пытался подражать каждому знаменитому оратору, хотя внимательно изучал их приёмы.

Однажды после судебного выступления к нему подошёл пожилой гражданин.

— Ты говорил о справедливости так, словно действительно веришь в неё.

— А разве можно говорить иначе?

— Можно. Многие делают это каждый день.

— Тогда зачем вы пришли меня слушать?

Старик усмехнулся.

— Хотел проверить, не изменилось ли что-нибудь в нашем городе.

— И что вы думаете?

— Пока не знаю. Но советую тебе помнить: люди любят слушать тех, кто обещает защитить их интересы. Однако ещё больше они любят тех, кто действительно способен что-нибудь сделать.

Цезарь запомнил эти слова.

Он всё чаще замечал, что в политической жизни недостаточно иметь правильные убеждения. Необходимо обладать средствами для их осуществления, находить союзников и уметь действовать в обстоятельствах, которые редко складываются идеально.

Именно тогда он начал внимательнее присматриваться к людям, способным влиять на судьбу республики.

Среди них особенно выделялись два человека.

Первым был Гней Помпей, прославившийся военными успехами и пользовавшийся значительным авторитетом среди солдат и граждан. Он был моложе многих влиятельных политиков, но уже обладал огромным состоянием и военной репутацией. Его называли Великим, и это прозвище отражало не только честолюбие самого полководца, но и ожидания его сторонников.

Вторым был Марк Лициний Красс — один из богатейших людей Рима. Его состояние позволяло ему оказывать влияние на политиков, поддерживать нужных кандидатов и приобретать расположение тех, кому требовалась финансовая помощь. Он понимал, что деньги открывают двери, но также знал, что одних денег недостаточно для получения высшей власти.

Помпей и Красс были разными людьми. Один привык опираться на военную славу, другой — на богатство и разветвлённые связи. Оба стремились к признанию и влиянию, но их интересы далеко не всегда совпадали.

Цезарь наблюдал за ними с интересом. Он понимал, что ни один из них не может считаться простым человеком, которого легко привлечь на свою сторону. Каждый имел собственные цели, собственное представление о будущем и достаточно ресурсов, чтобы отстаивать свои интересы.

Однажды в доме общего знакомого Гай оказался за одним столом с человеком, связанным с окружением Красса. Разговор зашёл о состоянии республики.

— Риму необходимы сильные люди, — заявил собеседник. — Слишком долго государство страдает от нерешительности.

— Сильные люди нужны, — согласился Цезарь. — Но вопрос в том, кто определяет, что именно они должны делать.

— Народ определяет это своим доверием.

— Народ может ошибаться.

— А сенат, по-твоему, никогда не ошибается?

Гай улыбнулся.

— Именно поэтому я не хотел бы передавать всю ответственность ни одному человеку.

Собеседник внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь осторожно. Но сам явно стремишься к влиянию.

— Разве желание участвовать в управлении государством обязательно означает стремление подчинить его себе?

— Нет. Но обычно одно постепенно приводит к другому.

Цезарь не стал возражать. Он уже знал, что в Риме многие видят в чужом честолюбии прежде всего отражение собственного.

К середине десятилетия политические противоречия усилились. Помпей возвращался с Востока после успешных кампаний, но сенат не спешил удовлетворять все его требования. Особенно важным для него было утверждение распоряжений, сделанных на завоёванных территориях, и решение вопросов, связанных с землёй для ветеранов.

Красс, в свою очередь, был заинтересован в пересмотре некоторых финансовых решений и укреплении положения всаднического сословия.

Оба располагали значительными возможностями, но по отдельности сталкивались с сопротивлением влиятельных сенатских кругов.

Цезарь понял, что между ними существует пространство для политического соглашения. Он не был богат, не командовал армиями и ещё не занимал высших должностей. Но у него было то, чего не хватало многим влиятельным людям: способность устанавливать отношения с разными группами и находить общий язык с теми, кто прежде предпочитал держаться в стороне.

Он начал осторожно сближаться с представителями обоих кругов.

Его не всегда принимали всерьёз. Некоторые считали молодого Юлия слишком честолюбивым, другие напоминали о его прежнем конфликте с Суллой. Но Цезарь умел слушать, не показывая раздражения, и не торопился раскрывать все свои намерения.

Однажды он встретился с человеком, который хорошо знал Красса.

— Ты хочешь, чтобы он поддержал тебя? — спросил тот.

— Я хочу, чтобы мы нашли общие интересы.

— Это не одно и то же.

— Иногда именно с этого начинаются самые прочные соглашения.

— А если интересы разойдутся?

— Тогда придётся договариваться снова.

Собеседник рассмеялся.

— Ты говоришь так, словно политика — это торговля.

— Разве она всегда бывает чем-то другим?

Постепенно Цезарь понял, что ему предстоит решить одну из самых сложных задач: каким образом соединить людей, которые не доверяют друг другу, но нуждаются в поддержке друг друга.

Он не считал себя посредником, способным примирить всех. Напротив, он хорошо видел противоречия между Помпеем и Крассом. Но понимал и другое: если их интересы удастся хотя бы временно согласовать, это создаст силу, с которой сенату придётся считаться.

Первые разговоры были осторожными. Никто не хотел выглядеть человеком, который уступает другому. Каждый стремился сохранить самостоятельность и получить гарантии того, что его требования не будут принесены в жертву чужим амбициям.

Цезарь не торопил события.

Он знал, что политический союз, заключённый слишком рано, может распасться ещё до того, как принесёт пользу. Но он также понимал, что время работает не только на него. В Риме

уже появлялись новые люди, стремившиеся занять место рядом с теми, кто обладал настоящей властью.

Вечером, вернувшись домой, Гай рассказал Корнелии о своих встречах.

— Ты собираешься соединить людей, которые не доверяют друг другу? — спросила она.

— Я собираюсь найти то, ради чего им придётся сотрудничать.

— А ты уверен, что они не используют тебя?

— Возможно, используют. Но и я рассчитываю извлечь пользу из этого соглашения.

Корнелия посмотрела на мужа.

— Ты говоришь так, словно уже привык считать людей участниками большой игры.

— Разве в политике бывает иначе?

— Наверное, бывает. Просто тогда приходится помнить, что за каждым участником стоит живой человек.

Гай улыбнулся.

— Ты всегда возвращаешь меня к тому, о чём я забываю.

— Не уверена, что ты действительно забываешь. Скорее, иногда тебе хочется отодвинуть это на второй план.

Он не стал спорить.

Вскоре политические обстоятельства приблизились к моменту, когда отдельные договорённости должны были превратиться в нечто большее.

Помпей нуждался в поддержке для утверждения своих восточных распоряжений и решения земельного вопроса ветеранов. Красс хотел добиться удовлетворения финансовых требований всаднического сословия. Цезарь видел возможность связать эти интересы с собственным политическим продвижением.

Он понимал, что соглашение будет непрочным, что каждый участник сохранит свои амбиции и что взаимная выгода не всегда означает дружбу. Но именно поэтому будущий союз требовал не красивых обещаний, а ясного понимания обязательств.

В один из вечеров Гай долго сидел над письмами и записями. Он думал о своём отце, о матери, о тех людях, которых встретил на Востоке, и о собственном пути. Когда-то он покинул Рим, опасаясь за жизнь. Теперь возвращался к большой политике уже не как проситель, а как человек, намеренный участвовать в распределении власти.

Он ещё не знал, насколько далеко заведёт его эта дорога. Но понимал, что следующий шаг потребует от него не только личной смелости, но и умения работать с чужими слабостями, интересами и страхами.

Так постепенно складывалась новая политическая сила, которой вскоре предстояло изменить судьбу республики. И Гай Юлий Цезарь намеревался стать одним из тех, кто определит её направление.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЖЕНЩИНЫ И ВЛАСТЬ

Римская политика принадлежала мужчинам. Они выступали в сенате, занимали государственные должности, командовали армиями и заключали официальные соглашения. Женщинам не предоставляли права участвовать в народных собраниях и занимать магистратуры. Но было бы ошибкой считать, что женщины оставались в стороне от политической жизни.

В знатных домах именно они нередко поддерживали семейные связи, воспитывали будущих государственных деятелей, передавали сведения, влияли на решения мужей и сыновей. Их власть редко имела официальный характер, но иногда оказывалась не менее действенной, чем власть человека, обладавшего высокой должностью.

Гай знал это с детства благодаря матери. Аврелия никогда не стремилась вмешиваться в публичные споры, однако её мнение имело для него огромное значение. Она умела замечать то, что ускользало от внимания мужчин, привыкших оценивать людей по происхождению, должностям и политическим связям.

Теперь, когда Цезарь всё глубже входил в общественную жизнь, он начал понимать, насколько важную роль играют женщины в судьбах римских семейств.

Особое место в его жизни занимала Корнелия.

Она не была политическим оратором и не стремилась приобретать влияние через громкие заявления. Её сила заключалась в другом: в способности сохранять достоинство, когда обстоятельства требовали от человека уступить, и в умении не превращать семейные отношения в продолжение политической борьбы.

Гай часто обсуждал с ней свои планы. Корнелия не всегда соглашалась с его оценками, но никогда не пыталась удержать его от самостоятельных решений.

Однажды вечером, когда они говорили о возможном сближении Цезаря с Помпеем и Крассом, она спросила:

— Ты действительно считаешь, что эти двое смогут долго действовать сообща?

— Пока их интересы совпадают.

— Но они очень разные.

— Именно поэтому каждый может дать другому то, чего ему не хватает.

— А что получишь ты?

Гай задумался.

— Возможность укрепить своё положение и провести решения, которые иначе встретят сопротивление.

— Значит, ты рассчитываешь использовать их влияние?

— Не только их влияние. Я хочу, чтобы они увидели во мне человека, без которого их соглашение окажется менее надёжным.

Корнелия внимательно посмотрела на мужа.

— Ты хочешь стать необходимым.

— В политике это немалое преимущество.

— А в семейной жизни?

Гай рассмеялся.

— Здесь я надеюсь оставаться просто твоим мужем.

— Тогда не забывай, что именно это гораздо труднее, чем получить чью-либо поддержку на Форуме.

Он взял её за руку. Ему нравилось, что Корнелия не восхищалась им безоговорочно. В её присутствии он мог говорить о своих планах, не опасаясь, что любое его намерение будет принято как нечто великое.

В это же время в жизни Цезаря появилась женщина, которая впоследствии стала одной из наиболее известных фигур римской истории, — Сервилия, представительница знатного рода Сервилиев.

Она была умна, обладала значительными связями и хорошо понимала устройство политической жизни. Сервилия не нуждалась в громких заявлениях, чтобы оказывать влияние на окружающих. Её дом посещали люди, от которых зависели решения сената, распределение должностей и судьбы отдельных семейств.

Знакомство с ней расширило круг общения Цезаря. Их отношения со временем приобрели особый характер, а позднее Сервилия стала одной из наиболее близких ему женщин. Однако в те годы её значение определялось не только личными отношениями с Гаем, но и положением в римском обществе.

На одном из приёмов Сервилия беседовала с несколькими влиятельными людьми. Цезарь находился неподалёку и наблюдал, как она незаметно направляет разговор, задавая вопросы и предоставляя каждому возможность высказаться.

Когда гости разошлись, он заметил:

— Ты умеешь добиваться своего, не произнося ни одного приказа.

Сервилия улыбнулась.

— Приказы полезны там, где человек обязан подчиняться. Но гораздо интереснее добиться того, чтобы он сам захотел сделать то, что тебе необходимо.

— Это напоминает политику.

— Политика редко начинается в сенате. Часто она начинается за закрытыми дверями, когда люди ещё только решают, кому доверять.

— И ты всегда знаешь, кому следует доверять?

— Нет. Но я стараюсь понимать, чего человек хочет. Это уже немало.

Гай рассмеялся.

— Похоже, мне ещё многому предстоит научиться.

— Тебе предстоит научиться отличать тех, кто хочет помочь тебе, от тех, кто просто надеется воспользоваться твоим будущим успехом.

Эти слова показались ему знакомыми. Он вспомнил мать, которая много лет назад говорила ему примерно то же самое, только другими словами.

Не менее важную роль в политической жизни Рима играли браки. Они связывали семейства, укрепляли союзы и нередко позволяли избежать открытого противостояния. Но такие отношения не всегда основывались на личной привязанности.

Гай видел, как знатные семьи обсуждали будущие браки своих детей почти так же, как обсуждали земельные сделки. Иногда за внешней торжественностью скрывались расчёты, которые молодые люди даже не пытались оспаривать.

Он не считал, что семейные союзы должны быть лишены политического смысла. В Риме было невозможно полностью отделить частную жизнь от общественного положения. Но он знал и другое: брак, построенный исключительно на выгоде, может оказаться непрочным, если исчезнет сама выгода.

Однажды Аврелия, заметив, что сын всё чаще бывает в домах влиятельных людей, спросила:

— Ты понимаешь, что теперь многие будут оценивать не только тебя, но и твою семью?

— Понимаю.

— И что твои знакомства могут иметь последствия для Корнелии?

— Да.

— Тогда будь внимателен. Не всякая возможность укрепить положение стоит того, чтобы подвергать опасности доверие близких.

Гай сел рядом с матерью.

— Ты всегда считала, что политика должна оставаться за порогом дома?

— Нет. Я слишком долго живу в Риме, чтобы верить в такое разделение. Но дом не должен превращаться в место, где люди только рассчитывают выгоду друг от друга.

— Ты говоришь о семье?

— О семье и о людях вообще. Власть может дать человеку многое, но она не заменит ему уважения тех, кто знает его настоящего.

Гай некоторое время молчал.

— Ты думаешь, я меняюсь?

— Все меняются, сын мой. Вопрос только в том, что именно в тебе меняется и замечаешь ли ты это сам.

Со временем Цезарь всё чаще встречал женщин, которые умели оказывать влияние на политические решения, хотя формально не участвовали в управлении государством.

Некоторые из них стремились защитить интересы своих семей, другие помогали мужьям и сыновьям, третьи самостоятельно выстраивали отношения с влиятельными людьми. Среди них были женщины, обладавшие богатством и древним происхождением, но были и те, чьё

влияние основывалось исключительно на уме, характере и способности понимать человеческую природу.

Гай постепенно перестал смотреть на женскую роль в обществе только через призму семейных обязанностей. Он видел, что женщины нередко обладают знаниями и политическим чутьём, которым могли бы позавидовать многие мужчины, занимавшие высокие должности.

Однако он не идеализировал их. Среди них, как и среди мужчин, встречались честолюбивые, расчётливые и беспринципные люди. Одни помогали другим из привязанности, другие — ради собственной выгоды. Женская мудрость не была гарантией добродетели, как и мужская власть не являлась доказательством силы характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.